

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

**А.В. САВЕЛЬЕВ
Н.С. МЯСНИКОВ**

**К ПРОИСХОЖДЕНИЮ
ЭТНОНИМА *ЧУВАШ*:
ОСНОВНЫЕ ВЕРСИИ
И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 41

А.В. Савельев, Н.С. Мясников

**К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЭТНОНИМА
ЧУВАШ: ОСНОВНЫЕ ВЕРСИИ
И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2025 год

Чебоксары
2026

УДК 39(470.344)
ББК 63.5(2Рос.Чув.)
С 12

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Научный редактор **Э.Е. Лебедев**

Рецензенты:

- В.В. Напольских**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра историко-лингвистических исследований Института истории и археологии УрО РАН, член-корреспондент РАН (г. Екатеринбург);
- А.В. Дыбо**, доктор филологических наук, заведующий отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва);
- А.С. Сараев**, кандидат исторических наук, научный сотрудник исторического направления ЧГИГН (г. Чебоксары)

Савельев, А.В., Мясников, Н.С.

С 12   **К происхождению этнонима чуваш: основные версии и их историческая интерпретация** / А.В. Савельев, Н.С. Мясников; науч. ред. Э.Е. Лебедев. – Чебоксары : ЧГИГН, 2026. – 60 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 41).

В совместном научном докладе А.В. Савельева (Институт языкознания РАН) и Н.С. Мясникова (Чувашский государственный институт гуманитарных наук) дан обзор основного корпуса исторических источников от появления этнонима *чуваш* до начала XVIII в. (зарубежные и отечественные нарративные, документальные, картографические источники), прослежена география расселения *чуваш* в XVI–XVII вв. В основной части доклада разбираются наиболее популярные в академической литературе версии происхождения этнонима *чуваш* (тат. *юаш* ~ диал. *жуаш* ‘кроткий, тихий, смиренный’; *сувар* ~ *суваз*; *табгач*; *чавуш* ‘*младший офицер и т. п.’; *шүйш ‘земледелец’; чув. *сăвас ‘язычник’; чув. *сăвас ‘заречье > заречные’): их этимология и историческая интерпретация.

УДК 39(470.344)
ББК 63.5(2Рос.Чув.)

© А.В. Савельев, Н.С. Мясников, 2026
© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2026

ВВЕДЕНИЕ

Важность изучения этнонимов – в частности их происхождения и истории бытования, – неоспорима. Появление новых этнонимов связано, как правило, с переломными моментами истории того или иного народа; соответственно, и этнонимика как дисциплина имеет важнейшее значение для реконструкции ключевых эпизодов этнической истории. При этом изучение этнонимов – это и почва для многочисленных спекуляций и криво толков, заманчивое поле для псевдоистории и трудов в жанре «фолк-хистори». Кроме того, это остро политический вопрос, важнейшая составляющая этнического конструкта (в том числе и осознанного структурирования национальной идентичности), ведь за самоназванием народа стоит и его самознание¹.

Название чувашей (чув. *чăваш*, рус. *чуваш*, тат. *чуаш*) не является исключением из этих правил. Народная этимология приписывала этому этнониму самое различное происхождение. Предлагались патронимические версии, связывающие имя народа с именем некоего легендарного родоначальника, батыра *Чуваша* (М.П. Петров-Тинехпи, Юхма Мишши); топонимические теории, предполагающие происхождение названия чувашей от названия определенного места (Чувашский мыс, Чувашская гора в Тобольске – С.М. Михайлов-Яндуш); гипотезы, связывающие название народа с его образом жизни (перс. *savār* ‘наездник’ – В.В. Николаев; чув. *су* ‘лето’, откуда якобы производное со значением ‘летовщик’ – И.Н. Юркин); этнонимические концепции, связывающие названия чувашей и финнов-суоми², чувашей и шумеров (Н.Я. Марр) и т. п.; наконец, версии, предполагающие происхождение этнонима от имени древнего бога (некая «богиня войны Шаваш» из шумерских текстов – А.В. Изоркин; «бог света Чуваш» из мифологии инков – Э. фон Дэникен)³. Такие концепции в лучшем случае опираются на внешнее сходство названий (а иногда не предполагают даже внешнего их подобия) и лежат за пределами научной этнонимики. По выражению В.А. Никонова, «эта любительская игра со словарями нагромодила антинаучные домыслы, расчистка которых потребует целого ряда исследований»⁴.

Между тем этнонимика является вполне конкретной историко-филологической дисциплиной и, соответственно, предполагает взаимосвязь методик исторического и лингвистического исследования. Как отмечено в недавней теоретической работе В.В. Напольских, для получения достоверно научных выводов по этнонимии необходимо соблюдение следующих условий:

«1) лингвистическая корректность этимологии, с особым вниманием к деталям как фонетического, так и семантического рода и с доведением этимона до возможно более точного определения конкретного языка-источника;

2) учет “этнонимических универсалий”, подтверждение решений типологическими аналогиями;

3) учет особенностей конкретной этнонимической традиции, присущих ей моделей номинации;

4) учет того обстоятельства, что проявления как “этнонимических универсалий”, так и этнонимических традиций зависят от конкретной этноисторической ситуации, которая реконструируется для времени и места предполагаемого сложения этнонима»⁵.

С учетом обширной историографии проблемы и множества открыто «народных» вариантов этимологизации названия *чуваши* ниже разбираются лишь те попытки объяснения этого этнонима, которые хотя бы в какой-то степени отвечают вышеперечисленным условиям. Конечными целями настоящего доклада являются, во-первых, всесторонний анализ наиболее популярных в академической литературе версий происхождения слова *чуваши* и, во-вторых, определение наиболее удачной этимологии из этого списка на основании комплексного рассмотрения лингвистических, исторических, этнографических и археологических данных.

1. ЧУВАШИ В ИСТОЧНИКАХ XVI–XVII ВВ.

Прежде чем перейти к разбору конкурирующих этимологий, необходимо очертить корпус основных упоминаний слова *чуваши* в источниках XVI–XVII вв. (начиная с первого упоминания и до периода первых ревизий, массовой принудительной христианизации и формирования современной картины расселения чувашского народа) с целью определения географии, хронологии и иных особенностей употребления данного названия в это время.

У ученых всегда вызывал удивление факт позднего появления чувашей в письменных источниках. Последние начинают более-менее уверенно использовать название *чуваши* лишь с начала XVI в. Отдельно рассмотрим особенности употребления данного этнонима в иностранных и русских источниках.

Иностранные путешественники XVI–XVII вв. редко упоминают чувашей. В сочинениях М. Меховского (1517)⁶ и А. Кампензе (1523–1524)⁷ при описании соответствующей территории говорится лишь о черемисах. Первое сообщение о чувашах в иностранном источнике находим у С. Герберштейна, побывавшего в России в 1517 и 1521 гг. По его сведениям, среди пехотинцев казанского хана черемисы и чувашаи (*Czubaschi*) – весьма ис-

кусные стрелки, при этом чувашаи отличаются также знанием судоходства⁸. Как мы видим, имя чувашей приводится здесь с некоторым искажением⁹; тем не менее факт упоминания у С. Герберштейна именно этнонима *чуваши* не вызывает сомнений. Обратим внимание и на специфичный контекст его употребления (в паре с этнонимом *черемис* при описании народов Казанского ханства).

Даже в более поздний период (после завоевания Казанского ханства) упоминания чувашей отсутствуют у ряда иностранных путешественников, достаточно подробно описывавших ситуацию в Поволжье. К примеру, английские дипломаты Э. Дженкинсон (посетил Казань в 1558 г.), Дж. Флетчер (был в Москве в 1588–1589 гг.) писали только о черемисах¹⁰. Другой современник, итальянец А. Гваньини, отмечал в 1570-х гг., что за Васильсурском (т. е. за Сурой) проживают «смешанные» племена, называемые *черемисами*, а также племена, «называемые *мордва* и смешанные с черемисами»¹¹. Адам Олеарий, побывавший в Московии (1633–1635) и путешествовавший через Среднее Поволжье в Персию (1635–1639), упоминал только «другого рода татар», а именно *черемисов* и *черемисских татар*¹². Н. Витсен, посетивший Москву в 1664 г., писал, что недалеко от Казани живет «малочисленный тартарский народ» под названием *чуваши* (*Tzoewachi*)¹³. Также он упомянул чувашей среди других «тартарских» народов, таких как черемисы и вотяки¹⁴. «Не заметили» чувашей голландские путешественники и дипломаты Я. Стрейс (1669)¹⁵, Б. Коэйт (1675–1676)¹⁶, К. де Бруин (1703)¹⁷: актуальны для них были только *черемисские татары*. Закончим список ранних упоминаний чувашей иностранными путешественниками цитатой из письма иезуита Иоанна Милана, отправленного в 1712 г. из Москвы. Описывая единоверцу Иоанну Миллеру свою поездку в «Казанское царство», он пишет, что «проехал через землю нагорных черемис, обыкновенно называемых чувашами (*Tshubaschi*)»¹⁸. На картах России Э. Дженкинсона (1593), Исаака Массы (отражает первое десятилетие XVII в.), амстердамской карте России по чертежу Ф.Б. Годунова (1613) отмечены горные и луговые черемисы, но не чувашаи¹⁹.

Русские источники начинают говорить о чувашах примерно в то же время, что иностранные, и делают это столь же неохотно. По-видимому, первое упоминание *чуваши* в литературе (и вообще) относится к 1508 г. В компилятивной «Скифской истории» (1692) А.И. Лызлова (первая отечественная историческая монография, по-видимому, отражающая в том числе не сохранившиеся источники более раннего времени) находим следующий фрагмент: «Приидоша же к Казани маиа в 22 день лета 7016 [1508 г.]. Тогда же нечестивый царь со всеми своими князи и мурзы и со многими поганским народом, не токмо живущими во граде, но и из дальних мест пришедшими, изшед из града в поля, стояше в шатрах около града во время праздника своего поганскаго, нань же приходядуху народы татарския,

и черемиския, и чувашския и пребываху ту пиюще и веселящесе многи дни, и куплю между собою деюще»²⁰. Как мы видим, здесь чуваша названы среди других народов Казанского ханства.

Обходит чувашей стороной такой важный источник по ханскому времени, как Казанская история (XVI или XVII в.)²¹. Это может быть связано с тем, что в данном произведении чуваша – один из народов, обозначаемых как *черемиса*: «Две бо черемисы бе в Казанской земли, а языка их три... едина убо черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; другая же черемиса об ону страну Волги живет, и та ся наречет луговая, низоты ради и равности земли тоя... В той же стране луговой есть черемиса кокшаская и вятлужская...». Тот факт, что под *черемисой* автор имел в виду не только марийцев, подтверждается фрагментом текста, в котором отмечается «ина черемиса, зовемая *отяки* [вотяки]»²². Вместе с тем можно полагать, что чуваша скрываются и за следующими формулировками из Казанской истории, отсылающими к болгарскому прошлому Волго-Камского региона: «...ради ему бысть изо оставшихся от плена худыя болгары», «болгарская чернь со князи их и со старейшинами», «болгарския князи и варвари, владеюще поганым языком черемиским»²³.

Самое раннее упоминание чувашей в летописях²⁴ относится к 1521 г. (Типографская летопись): «Того же лета, мая, прииде весть великому князю Василью Ивановичю всея Руси, что Казанский сегить и вси князи Казанския и Татарове и Мордва и Черемиса и Чюваш[и] и вси люди Казанския земли изменили великому князю и взяли себе на царство Крымскаго царевича Саапъ Керея»²⁵.

В целом с начала XVI в. русские летописи редко²⁶, но уверенно упоминают *чювашу* как один из народов Казанского ханства наряду с черемисами, татарами и др. Так, первое упоминание чувашей в Лаврентьевской летописи рассказывает о столкновении на Свияге (Итяково поле) в 20 верстах от Казани, когда воеводы великого князя «многих князей и мурзь и Татаръ и Черемису и Чювашу избиша» (1524)²⁷. Часто перечисление народов идет совокупно с перечислением титулов татарской феодальной знати. Особенно показательна челобитная 1551 г., направленная Ивану IV от всей Казанской земли, в которой перечислены «молны и сеиты и шихы и шихзады и молзады, имамы, азии, афазы, князи и уланы и мырзы и ичкы, дворные и задворные казаки и Чюваша и Черемиса и Мордва и Тарханы и Можары» (1551)²⁸. Примечательно упоминание в летописях не только *чюваши* среди горных людей, но и *ар(ь)ской чюваши* на левобережье Волги. Так, в 1551 г. по Львовской летописи *чюваша арская* «приходила с боем на крымцов» во время осады Казани²⁹.

В документах (писцовые и переписные книги, актовый материал) XVI–XVII вв. упоминания чувашей гораздо более многочисленны. Примечательно, что наиболее ранние из них относятся к бассейну р. Чепца в

Вятской земле [Жалованные грамоты великих князей 1510 (по Д.М. Исхакову), 1522, 1546 гг.]: «Что за ним жалование в нашей отчине...; да за ним же жили наши люди чуваша»³⁰, «Били ми челом... на Каринских князей и на чувашен и на вотяков, которые живут в Слободском уезде...»³¹, «...а у них же деи у слобожан в станех в Чисте и в Верховние арские татарове и отяки и чувашане деревни покинули тяглые...»³². В писцовых, дозорных и переписных книгах Вятской земли XVII в. мы видим 16 населенных пунктов, где жили чуваша или бесермяне. Как отметила Т.И. Тепляшина, источники часто смешивают эти два термина, употребляя их или одновременно, или один вместо другого. Так, в дозорной книге 1615 г. сначала перечисляются жители Каринского стана – *татаровя, чуваша и отяки*, затем – уже только *бесермяне и отяки*, а после учета всех дворов (в том числе бесермянских) при подведении итогов перепись упоминает только *чувашские и отяцкие* дворы и погосты. Писцовая книга 1629 г. разделяет термины *чуваш* и *бесермянин* («...пашни бесермян и отяков и чуваш...») при перечислении дворов и пашен, но при общих подсчетах опускает упоминание бесермян, называя только чувашей. Близкая картина наблюдается и в переписной книге 1646 г., в заголовке которой названы *татары, чуваша и отяки*, а при перечислении жителей упоминаются не только *чуваша*, но и *бесермяне*. В переписи приставных дворов Каринского стана (1662) в двух чувашских населенных пунктах при перечислении дворов отмечены жители-бесермяне. Начиная с переписной книги 1678 г. термин *чуваш* исчезает, и мы видим только бесермян³³. На основании анализа указанных фактов Т.И. Тепляшина сделала вывод, что бесермяне и чуваша, проживавшие в Вятской земле близ каринских татар и удмуртов, – это один и тот же народ³⁴. На наш взгляд, употребление в документах XVI в. с территории Вятской земли исключительно термина *чуваша*, более позднее появление термина *бесермяне* (начало XVII в.), их дальнейшее параллельное употребление (первая половина XVII в.) и фактически постепенное вытеснение первого термина вторым (к 1678 г.) скорее говорит о том, что перед нами не синонимы, а обозначения двух пусть и очень близких культурно (чем, по-видимому, и обусловлена путаница в документах начала – середины XVII в.), но все же отдельных народов. При этом как этнографический, так и языковой портрет бесермян определенно говорит о том, что они находились в тесном контакте с чувашами – как до переселения на Чепцу с территориями по нижней Вятке³⁵, так, по всей видимости, и после него³⁶.

Наибольший массив сведений о чувашах содержат писцовые, переписные, дозорные книги, указы воеводам и актывый материал Казанского и Свияжского уездов XVI – середины XVII вв. (до 1678–1679 гг.) Их анализ позволил провести учет деревень (более 200 на территории Казанского уезда, более 40 на территории Свияжского), населенных чувашами, и выделить места их расселения: центральная часть Казанского уезда до Вятки

(Чувашская, позднее Зюрейская даруга) и Нижняя Свияга. Это в основном крестьянское ясачное население, наиболее многочисленное в указанных уездах. Впрочем, в писцовых книгах упоминаются и немногочисленные служилые чуваша. Как вятские, так и казанско-свияжские документы перечисляют чувашей среди других народов края: татар, черемис, мордвы, вотяков, латышей, немчинов («В тех же селах и деревнях с татары и чувашей пред сего жили мордва», «А на меже были старожильцы: деревни Айши служилые татарове Янгильдей Едигерев, Юлгуш Кигиулов, Исенгильдей Янчурчеев, да той же деревни чуваша Кудабердей Куламетев», «А у кого в чуваше и черемисе, и в вотяках кузнечную и серебряную снасть продают, им тое чувашу, черемису и вотяков с тою серебряною и с кузнечною снастью велеть приводить в Казань», «И в князех, и в мурзах, и в татарех, а в вотяках, а в башкирцах, и в чуваше, и в черемисе шатости и смуты никакие не было» и др.). К концу XVII в. в документах Казанского уезда при описании крестьянских землевладений ясачные чуваша сменяются татарами. Так, в переписной книге 1678–1679 гг. Казанского уезда под заголовком «Чувашии деревни и починки» перечисляются уже владения татарских ясачных людей³⁷.

Столь разительные отличия между размещением чувашей в XVI–XVII вв. и современной территорией их проживания, а также факт их многочисленности в центральной части бывшего Казанского ханства, составившей центр формирования казанских татар, породили длительную дискуссию об этнической принадлежности *ясачной чувашии* письменных источников. Большинство татарских ученых не приняло версию о чувашском этноязыковом ядре *чувашии* Заказанья, отождествляя ее с ясачными татарами³⁸. Однако примечательно, что при декламируемой разнице в подходах к проблеме *ясачной чувашии* (этнические чуваша ~ ясачные татары ~ все нерусское тяглое население ~ сохранившиеся булгары-мусульмане ~ булгары-язычники) большинство исследователей (В.Ф. Каховский, В.Д. Димитриев, В.П. Иванов, Н.И. Егоров, Д.М. Исхаков, Г.В. Юсупов, Г.Ф. Сагтаров, Ю.М. Юсупов) видят в этой группе населения из источников XVI–XVII вв. прямых потомков булгар – основного земледельческого населения Волжской Булгарии.

Вопрос о языковой принадлежности «ясачных чувашей» имеет ключевое значение для чувашского (а равно и для татарского) этногенеза. Мы полагаем, что с XIV в. и далее именно в Заказанье располагался ядерный ареал чувашского народа, а с учетом употребления обозначения *чуваши* для населения этой территории в XVI–XVII вв. очень вероятно, что и в это время немалая часть данного населения еще говорила по-чувашски. На важнейшую роль Заказанья в чувашской этнической истории указывает, в частности, наличие здесь значительного пласта чувашской топонимики (ср., в первую очередь, довольно частотный формант гидронимов тат. *-шир-*

мэ, что отражает очевидное заимствование из чув. *сырма* ‘речка’³⁹). Кроме того, территория примерно от устья Казанки до устья Вятки является с историко-географической точки зрения оптимальной для локализации, с одной стороны, чувашско-марийских контактов (на западе этого ареала) и, с другой стороны, чувашско-удмуртских⁴⁰ контактов (на востоке). По собственно лингвистическим основаниям и те, и другие контакты датируются предварительно XIV–XV вв., т. е. периодом, непосредственно предшествовавшим упоминанию на этих землях *чюваши* письменных источников. Как многократно было отмечено в предшествующих исследованиях, чувашами Заказанья основан ряд ныне существующих чувашских деревень на правом берегу Волги и в Закамье; факты переселения доказываются документально и упоминаются в чувашском фольклоре⁴¹. Несомненно, большая часть заказанских чувашей со временем отатарилась⁴², однако этот процесс не был сиюминутным. В Казанском ханстве ему отчасти могло препятствовать сохранение у чувашей относительно самостоятельной социальной организации (с собственной феодальной верхушкой и т. п., о чем см. ниже). Не исключено, что случаи смешения понятий *чюваши* и *татары* в послеказанское время, которые отмечали Е.И. Чернышев и И.П. Ермолаев, как раз свидетельствуют о начавшейся ассимиляции первых и переходе их в служилый статус: «служилой татарин чуваша Ия Микеев», татарская деревня Ащерма с истцами-*чювашами* из спорного дела 1642–1643 гг.⁴³, Янбахта сын *чювашенина* Масурова из д. Большой Бимер, который стал служилым татарин⁴⁴.

С XV–XVI вв. и до начала XVIII в. чувашей Горной стороны нередко называли *черемисами* (см. выше пассаж о путешественниках). Как было уже показано на примере Казанской истории, под *черемисой* русские источники в ряде случаев обобщенно понимали нерусское (и нетатарское) население Казанской земли⁴⁵. Тот факт, что русские источники могли обозначать чувашей термином *горные черемисы*, прямо подтверждается записями А. Курбского о событиях 1552 г.: «Егда же преплавишася Суру реку, тогда и Черемиса Горняя, а по их чуваша зовомые, язык особливый, начаша встречати по пяти сот и по тысеце их, аки бы радующесея цареви пришествию [понеже в их земле поставлен он предреченный град Свяжск]»⁴⁶. Он же отмечает: «Бо кроме татарска языка в том царстве пят различных языков: мордовский, чувашский, черемиский, войтецкий, або арский, пятый – башкирдский»⁴⁷. Обычно факт упоминания А. Курбским чувашей за Сурой используется в качестве доказательства того, что последние уже с XVI в. проживали на территории всей современной Чувашской Республики. Однако маршрут следования войск Ивана IV и А. Курбского проходил в обход Чувашского края. От Баранчеева городища (современный Сурский район Ульяновской области) войско отправилось к Якле, Цильне, Карле, Буле, Бее и Свяяге, т. е. двигалось по территории Ульяновской области и Предволжья

Татарстана, причем шло 8 дней по опустевшей местности⁴⁸. Видимо, именно там и была встречена *чуваши*⁴⁹. При этом, возвращаясь домой после покорения Казани, А. Курбский видел «великие горы» (обрывистый правый берег Волги), отмечая, что «на них же чувашский язык обитает»⁵⁰.

Чувашская топонимика в районах проживания *горных черемис* XV–XVII вв. (на самом западе Курмышского и Ядринского уездов уверенно только с 1620-х гг.) позволила В.Д. Димитриеву прийти к выводу о том, что в рассматриваемый период термин *черемис(а)* во всех случаях использовался по отношению к группам, являвшимся в этноязыковом отношении чувашскими, и что использование этого обозначения обусловлено, прежде всего, исторической традицией⁵¹. А.А. Чибис, расширив выборку документов по Свияжскому, Цивильскому и Ядринскому уездам, скорректировал точку зрения В.Д. Димитриева, отметив, что под обозначением *горная черемиса* фигурировали в целом населявшие Горную сторону нерусские народы – подданные сначала казанских ханов, а затем московских государей, т. е. марийцы и чувашаи. В случаях со свияжскими и, как правило, цивильскими *черемисами* данный термин использовался в основном собирательно, а при упоминании конкретных людей речь шла об этнических чувашах. В случаях с населением Ядринского уезда название *черемиса* применялось и по отношению к отдельным людям, что повышает вероятность того, что здесь речь шла и об этнических марийцах⁵². Анализ отдельных видов источников, в том числе предполагающих самоидентификацию (челобитные); факты смешения понятий *чуваши* и *черемис* в документах применительно к одним и тем же населенным пунктам и лицам⁵³; факты этнографии, антропологии и археологии, фольклора верховых (а частично также средненизовых и низовых) чувашей; ряд этнонимических обозначений в чувашско-марийской среде⁵⁴ – все это позволяет предположить, что довольно большая группа марийского населения была ассимилирована и вошла в состав чувашского народа. В принципе смешение марийского и чувашского населения признается всеми исследователями, дискуссия ведется только о конкретных территориальных рамках и хронологических границах этого взаимодействия. По последнему вопросу разброс мнений достигает 300 лет от XIV–XV до рубежа XVII–XVIII вв.⁵⁵ Археологические исследования последних лет показывают, что чувашское население вряд ли могло появиться на территории современной Чувашии ранее XV в.⁵⁶

Таким образом, источники XVI–XVII вв. позволяют заключить, что термин *чуваши* (*чуваши*, *човаши*, *човашенин* и т. п.) употреблялся в это время как этноним (в том числе эндоэтноним), обозначавший конкретный народ, живший на территории Казанского ханства, а затем и Казанской земли. Выделяются три зоны размещения населения, называемого *чуваши*, в указанное время: 1. Горная сторона от Свияги и до Суры, причем по мере движения на запад наблюдается все большее неразличение терминов чу-

ваш и *черемис* в источниках, которое может коррелировать со смешанным чувашско-марийским составом населения на этих землях и указывать на постепенную ассимиляцию марийцев со стороны чувашей; 2. Казанский уезд (Заказанье) от Казанки до Вятки, причем здесь наблюдаются случаи смешения терминов *чуваши* и *татарин*, что может указывать на смешанный чувашско-татарский состав населения и постепенную ассимиляцию чувашей со стороны татар; 3. Вятская земля – территории по Нижней Чепце (район с. Карино с окрестностями), причем здесь наблюдается смешение терминов *чуваши* и *бесермянин*, что коррелирует, по крайней мере, с общепризнанной специфической близостью бесермян по отношению к чувашам с точки зрения материальной и нематериальной культуры.

Расселение чувашского населения в рассматриваемую эпоху в целом не противоречит предполагаемой, прежде всего, из историко-лингвистических соображений преемственности⁵⁷ чувашей по отношению к булгарам предшествующего времени (в частности, *худым болгарам* письменных источников). В этой связи отметим, что этнонимика булгароязычного населения Волго-Камского региона пережила в послемонгольское время сложную трансформацию. Еще М.Н. Тихомиров показал, что в XIV–XV вв. потомки *болгар* ~ *булгар* более ранних источников упоминались в русских источниках под именем бесермян⁵⁸. Не ранее XVI в. происходит закрепление термина *чуваши* как обозначения булгароязычного (так сказать, «собственно чувашского» с лингвистической точки зрения) населения этих территорий. При этом в некоторых районах это население подвергалось отатариванию (Заказанье, Нижняя Свияга, вероятно – Нижняя Чепца), в других (*чуваши* ~ *черемисы* письменных источников на Горной стороне) смешивалось с марийским населением и ассимилировало его. Эти процессы в целом завершились к XVIII в., когда мы видим близкую к современной карту расселения основных этносов Волго-Уралья, хотя процессы образования основных субэтнических групп еще продолжались. К этому времени *ясачных чувашей* Заказанья источники начинают именовать *ясачными татарами*, чуваше бассейна Чепцы также ассимилируются, по-видимому, среди татар, а черемисы исчезают с территории чувашских уездов Правобережья.

Обозначив основные источники, время, место и специфику ранних упоминаний термина *чуваши*⁵⁹, можно перейти к разбору основных версий этимологии этого этнонима.

2. ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМА ЧУВАШИ

2.1. Тат. *юаши* ~ (диал.) *жуаши* ‘кроткий, тихий, смиренный’

Версия о связи названия чувашей с данным татарским словом (заимствованным в чувашский в форме *ййваш* ‘тж.’) является наиболее ран-

ней по хронологии появления из тех этимологий, которые заслуживают серьезного рассмотрения. Первым ее опубликовал, по-видимому, В.А. Сбоев. Выдвинутое им обоснование для такой номинации является при этом сугубо народно-этимологическим: дескать, татарское слово происходит от тюркского *ev* и т. п. 'дом' и имеет первичную семантику 'оседлый = мирный', а название чувашей, таким образом, представляет собой кальку с этнонима *буртас*, связанного одновременно с чув. *пурӑн*- 'жить' и тат. *йорт* 'жилище'⁶⁰. Вскоре после В.А. Сбоева в пользу связи между тат. *юаш* / чув. *йӑваш* и названием чувашей высказался Н.И. Золотницкий⁶¹.

Д. Немет несколько улучшил качество этой этимологии, приведя параллели к такому наименованию у других тюрков: по его сведениям, один из «кара-киргизских» родов был известен под именем *džuvaš ~ juvaš*, а у нижних кумандинцев существовал род под названием *čabaš*. Также Д. Немет вписал данную этнонимическую модель в контекст семантической оппозиции с этнонимом *кыпчак*, для которого, по его сведениям, в сагайском наречии фиксируются апеллятивные употребления с семантикой типа 'гневающийся, вспыльчивый, раздражительный'⁶². Довольно наивно и, конечно, совершенно неверифицируемо выглядит предложенное Д. Неметом обоснование для возведения этнонима чувашей к слову со значением типа 'смирный': «Общеизвестно, что чувашаи – люди тихие, скромные, склонные к уединению и мирные»⁶³. Ввиду достаточно широкого признания в кругах тюркологов эта версия происхождения слова *чуваши* вошла в русский этимологический словарь М. Фасмера⁶⁴, а затем – правда, в очень лаконичной и осторожной формулировке – в этимологический словарь тюркских языков М. Рясанена⁶⁵.

О степени удовлетворительности данной этимологии в собственно лингвистическом плане следует сказать следующее. На пратюркском уровне рассматриваемая основа⁶⁶ могла иметь вид **jabal ~ *jabalə*; более точная реконструкция не представляется возможной из-за отсутствия искомого рефлекса в чувашском (в том, что форма *йӑваш* заимствована из тат. *юаш ~ жуаш*, нет никаких сомнений). В зависимости от конкретной пратюркской реконструкции собственно чувашская форма могла бы иметь облик **çaval ~ *çavaš*⁶⁷. Вопрос об опосредованном отражении какого-либо из рефлексов тюркского слова в этнониме *чуваши* в общем не решаем без постулирования *ad hoc* шагов, способных объяснить превращение теоретически реконструируемой формы в наблюдаемую. В частности, можно предполагать междialeктное заимствование, т. е. проникновение в чувашский – напрямую или через кыпчакское посредство (т. е. из тат. *чуаш*) – формы какого-то булгарского диалекта, где допустимый исходя из реконструкции пратюркский вариант **jabalə* давал бы рефлекс типа **çavaš* (т. е. отражалось бы развитие пратюрк. **j-* в булг. **č-*; именно таким образом – заимствованием из незафиксированного близкородственного идиома – объясняет чувашские

формы с незакономерным *ч*- К. Адыгаши⁶⁸). Понятно, что такой сценарий равным образом невозможно ни опровергнуть, ни доказать; т. е. эта теория является сущностно неverifiedируемой.

Что же касается экстралингвистической составляющей данной этимологии, то, насколько нам известно, единственную серьезную попытку обосновать номинацию чувашей как «мирного» народа предпринял В.В. Напольских, усматривающий здесь противопоставление с «немирными» (с этимологической точки зрения) черемисами (марийцами)⁶⁹. По его мысли, эта оппозиция соответствует тем ролям, которые эти народы играли в эпоху Казанского ханства (XV–XVI вв.)⁷⁰: чувашаи (как и удмурты) входили в государственную систему (в том числе систему налогообложения), а черемисы (марийцы) – нет, оставаясь относительно независимыми федератами⁷¹. На наш взгляд, для такой интерпретации отношений чувашей и марийцев с Казанью в общем нет оснований. Едва ли совместимо с представлением о невключении марийцев в систему налогообложения Казанского ханства то обстоятельство, что термины с соответствующей семантикой в марийском являются датируемыми как раз примерно XV–XVI вв. татарскими заимствованиями (среди многих сотен других татаризмов этого периода), ср. луг.-мар. *йозак* ‘ясак, подать’ (← тат. *ясак* ‘натуральная подать’, опосредованное, судя по облику марийского слова, недокументированной чувашской формой), луг.-мар. *карыз* ‘подать, ясак’ (вопреки В.В. Напольских⁷², не позднее заимствование из чув. *хырçă* ~ *хырăç* ‘подать’ ← араб. *خَرْج* *ħarj* ‘расходы, издержки’, а фонетически лобовая адаптация тат. *карыз* ‘ссуда, финансовое обязательство’ ← перс. *qarz* ‘долг’ ← араб. *قَرْض* *qard* ‘тж.’), горн.-мар. *ялдър* ‘плата, налог’ (гибридное сложение, отражающее заимствования из тат. *ял* ‘наём, плата за работу’ и чув. *тар* ‘труд по найму; аренда’)⁷³. Кроме того, мы полагаем (см. ниже), что зона расселения марийцев в это время затрагивала в том числе центральные земли Казанского ханства (Заказанье), а это опять же с трудом согласуется с идеей о «черемисских федератах».

К сказанному добавим, что очевидное материальное несоответствие между тат. *юаш* ‘кроткий’ и *чуаш* ‘чуваш’ фактически сводит возможность мотивировки второго термина на основе первого исключительно к народной этимологии; если характеристика чувашей как «мирного» народа предполагает взгляд с точки зрения татарской элиты, почему при этом использовалось не собственно татарское слово с подобным значением, а некий его пароним (который при такой трактовке остается без должной этимологизации)? Собственно, в чувашеведении уже озвучивалось то наблюдение, что объяснение *йăваш* ≈ *чăваш* выглядит основанным на простой рифмовке слов и имеет, по сути, игровой, прибаутчный характер⁷⁴; его появление уже в эпоху «донаучного» чувашеведения середины XIX в. кажется в связи с этим далеко не случайным. Важно к тому же, что и в татарском, и в чувашском языке основа *юаш* ~ *йăваш* едва ли может быть употреблена для вы-

ражения семантики типа 'мирный' при характеристике целых сообществ. Это скорее оценочная индивидуальная характеристика ('скромный, смиренный, кроткий, забитый'), в то время как искомое значение выражается совершенно другими терминами (тат. *тыныч*, *тату* ~ чув. *тáйнáçлá*, *тату* и т. п.).

Заметим, наконец, что в более ранней версии идеи В.В. Напольских об «этимологическом» противопоставлении этнонимов *черемис* и *чуваши* с учетом фиксации первого из них уже в X в. допускалось, что данная оппозиция существовала с домонгольской эпохи, отражая «позицию племенной верхушки обеих групп во взаимоотношениях с булгарами»⁷⁵. На наш взгляд, само предположение о существовании в это время какой-либо группы отличных от болгар *чувашей* (что бы под этим ни понималось) противоречит актуальному пониманию чувашской этнической истории. Некоторые трудности, связанные с такой исторической реконструкцией, были критически разобраны А.С. Сараевым⁷⁶; поскольку сам В.В. Напольских (личное сообщение) в настоящее время идею о домонгольских истоках оппозиции *черемис* ~ *чуваши* не поддерживает, более мы ее не комментируем⁷⁷.

2.2. *Сувар* ~ *суваз*

Начало собственно научной дискуссии о происхождении названия чувашей (а можно сказать, что и в целом историческое чувашеведение как междисциплинарная область) было положено Н.И. Ашмариным. В основополагающей для этой области работе «Болгары и чувашы» (1902) он предложил считать значимым отмечавшееся и в предшествующей литературе (например, у Н.И. Золотницкого⁷⁸) сходство названия *чуваши* и слова *суас* – луговомарийского обозначения татар. По мнению Н.И. Ашмарина, название *чуваши* «последовательно прошло через стадии: *жуа́с*, *суа́с*, *чуа́с*, *чуаши* (*чуаши*), *чу́ваши* (*чу́ваши*)». Далее он пишет: «...почему луговые черемисы могли окрестить чувашами столь от них в наше время отличающихся татар? По моему мнению, ответ на подобный вопрос может быть один, и именно тот, что современные нам чувашы представляют из себя не что другое, как прямых потомков волжских болгар, и что черемисы, обозначая их именем *суас*, впоследствии перенесли это имя и на татарских завоевателей края, которые, унаследовав то политическое значение, какое сначала принадлежало болгарам, и отчасти и их культуру и приняв ислам, стали потом сами приписывать себе болгарское происхождение». Дал Н.И. Ашмарин интерпретацию и для горномарийского названия чувашей (*суасла мары*, букв. 'черемисы на суасский лад'): «...чувашы, как исконные жители края, несомненно были известны черемисам ранее позднейших пришельцев татар, а потому и не могли получить свое название от сравнения с последними. Переводить выражение *суасла мары* словами:

“черемисы на татарский лад” – было бы большою нелепостью, и поэтому, объясняя это выражение, можно прийти только к тому заключению, что оно первоначально означало *очувашивших черемис*, а впоследствии было перенесено и вообще на чуваш⁷⁹.

Забегая вперед, скажем, что, будучи очень квалифицированным специалистом в области сравнительно-исторического языкознания и замечательным знатоком не только чувашского, но и соседних языков, Н.И. Ашмарин совершенно правильно возвел мар. *суас* к некоторому чувашскому слову, которое на раннем этапе должно было иметь облик типа *суас ~ *çăвас. Однако его достаточно изошренные построения долгое время оставались мало понятыми другими исследователями, зато отмеченное сходство названий *чуваши* и *суас* сыграло довольно печальную роль в дальнейшей истории исследований по чувашскому этногенезу – а именно в формировании *суварской* (~ *сувазской*) концепции происхождения как чувашского народа, так и этнонима *чуваши*.

Как показано А.С. Сараевым⁸⁰, автором *суварской* концепции происхождения чувашей был Н.Я. Марр, который первым объединил название волжско-булгарского города *Сувар* и этноним *чуваши* в рамках пресловутой яфетической теории⁸¹. Далее эту концепцию переработал М.Г. Худяков⁸², после чего ее заимствовал первооткрыватель и первый переводчик Мешхедской рукописи «Записки» Ахмеда ибн Фадлана А.-З. Валидов (Валиди Тоган), чей перевод использовал при подготовке этого источника к изданию в 1939 г. А.П. Ковалевский.

Важнейшую роль в сложении *суварской* ~ *сувазской* теории происхождения чувашей и их этнонима сыграло второе издание А.П. Ковалевским Мешхедской рукописи и ключевого ее фрагмента о конфликте хана Алмуша с мятежным племенем, не пожелавшим принимать ислам. С подачи А.П. Ковалевского в чувашскую науку вошла теория, согласно которой племя *сувар* ~ *сувазов*, отказавшееся последовать за Алмушем, со временем откочевало на правый берег Волги, где, смешавшись с местным финно-угорским населением, положило начало чувашскому народу⁸³.

А.П. Ковалевский⁸⁴ и В.Г. Егоров⁸⁵ первыми отождествили *сувар* ~ *сувазов*, якобы присутствующих в Мешхедской рукописи, и *суасов* Н.И. Ашмарина, чем окончательно легализовали *суварскую* теорию происхождения чувашей без должного лингвистического⁸⁶ (добавим – и исторического) анализа данных этнонимов. Уже в 1957 г. В.Д. Димитриев писал: «Следует считать доказанным, что национальное название чуваш возникло от названия племени савир–сувар–сувазов»⁸⁷. А в 1982 г. В.Ф. Каховский связывал в единую этимологическую цепочку *суасов* ~ *çăвас* по Н.И. Ашмарину, *сувар* ~ *сувазов* по А.П. Ковалевскому, город *Сувар* и чувашское название Чебоксар – *Шупашкар*⁸⁸. Эта теория и поныне пользуется большой популярностью, в том числе и в научных кругах⁸⁹.

Об отсутствии лингвистических оснований для сравнения между мар. *суас* и каким-либо словом вида *суваз* уже было сказано выше; любая возможность такой связи должна быть отвергнута уже на том основании, что мар. *суас* уверенно (поскольку марийская историческая фонетика хорошо разработана) идентифицируется как достаточно недавнее развитие формы, заимствованной из чувашского источника типа *суаҫ ~ *сӱваҫ (с палатальными сибиллянтами!). Однако же еще более вопиющим моментом *сувазской* гипотезы является то обстоятельство, что в действительности никакие *сувазы* в Мешхедской рукописи не упоминаются, а есть группа людей *с-ван*, усматривать в которой *сувазов*, а тем более *сувар* можно лишь по результату произвольной, палеографически необоснованной конъектуры⁹⁰. При этом более внимательное чтение самого фрагмента «Записок» Ибн Фадлана позволяет говорить об отсутствии конфликта между людьми *с-ван* и Алмушем на религиозной почве и в конечном счете о подчинении ему⁹¹. Этим рассмотрение данной концепции можно было бы и ограничить, однако для полноты картины следует остановиться не только на филологических и лингвистических ее аспектах, но и на историко-археологических.

Город Сувар и его жители упоминаются в целом ряде исторических источников: у аль-Балхи (начало X в.), в еврейско-хазарской переписке (X в.), у аль-Мукаддаси (конец X в.), у Бируни (X–XI вв.), у Махмуда Кашгарского (XI в.), у аль-Идриси (XII в.), у Йакута (начало XIII в.), у Хамдуллаха Казвини (XIV в.), в сочинении «Фарханг-наме» (XIV в.)⁹². В основном эти упоминания связаны с политической ситуацией X–XI вв. Татарский краевед Г. Ахмаров в конце XIX в. на основе местных (татарских и чувашских) названий установил местонахождение г. Суvara у с. Кузнечиха в Спасском районе Татарстана⁹³. Существование племени *сувар* на основании упоминания города и его жителей отнюдь не доказано⁹⁴. Очень сомнительна связь между городом *Сувар* и этнонимом *сабир* ~ *сабир*, которые, в частности, упоминаются одновременно в письме кагана Йосифа⁹⁵. «Суварцы» у Махмуда Кашгарского и Аль Гарнати – это вовсе не этноним, а обозначение мусульманских купцов из Суvara, торгующих в Саксине⁹⁶.

Монеты, чеканенные в Суvаре на протяжении X в., в свое время позволили выдвинуть предположение о его независимости от Болгара в указанный период⁹⁷, однако в дальнейшем их чеканка прекращается⁹⁸. С точки зрения археологии нет оснований говорить о какой-либо особой «суварской культуре», равно и о каких-либо «язычниках»-суvарах, якобы населявших правобережье Волги. Немногочисленные попытки выделить конкретные области внутри Волжской Булгарии на основе сравнения археологического материала не позволяют утверждать, что такую область могла составлять какая-то особая территория вокруг Суvара⁹⁹. Отмечая особенности политико-административного устройства Булгарского улуса Золотой Орды,

источники ничего не говорят о Суварском княжестве, хотя упоминают о Болгарских и Жукотинских князьях¹⁰⁰. В это время материальная культура территории вокруг Суvara также не отличается каким-либо своеобразием, хотя достаточно хорошо изучены особенности этногеографии Булгарского улуса и региональные варианты эпиграфических памятников XIII–XIV вв.¹⁰¹ Что касается археологии самого города, то существует дискуссия о времени прекращения его существования. Одни исследователи (А.Х. Халиков, Ф.Ш. Хузин, Р.Ф. Шарифуллин) считают, что Сувар не пережил монгольского нашествия, другие (А.П. Смирнов, К.А. Руденко) отмечают слои ордынского времени и доводят время его существования до XIV в.¹⁰² Видимо, лишь инерцией источников обусловлены отдельные упоминания города в восточной литературе и, по-видимому, на европейских картах (*Vedasuar* на карте Фра-Мауро 1459 г.) вплоть до XV в.¹⁰³

2.3. Табгач

В 1959 г. Дж. Клосон выступил в научной печати с чрезвычайно остроумной этимологией¹⁰⁴, сравнив этноним *чуваши* с названием древних *табгачей* – одного из ответвлений сяньбийцев в Северном Китае, основателей царства Дай (IV в.) и империи Северная Вэй (IV–VI вв.). Имя *табгач* известно, в частности, по орхонским руническим надписям VIII в. – к этому времени оно стало у тюрков Внутренней Азии основным обозначением китайцев ~ Китая. Удивительным образом эта этимология названия привлекла очень мало внимания со стороны последующих поколений исследователей¹⁰⁵ – по-видимому, из-за весьма нетривиальных фонетических соответствий между сравниваемыми этнонимами. Между тем Дж. Клосон справедливо отметил, что по сегментно это сопоставление вполне валидно: реконструкция пратюркской формы вида **tiabgaç* дала бы **tabgaç* в узкотюркской ветви (и отразилась бы в подобном же виде в древнетюркском языке), а закономерным ее рефлексом в чувашском языке вполне могло бы быть слово *чăваши*¹⁰⁶(!).

Таким образом, собственно лингвистически эта этимология выглядит чуть ли не безупречной, а в экстралингвистическом плане до определенного момента в развитии алтаистики в ее пользу могла говорить и предположительно тюркская, точнее даже болгаро-тюркская языковая принадлежность табгачей. По гипотезе Дж. Клосона, некоторая часть табгачей могла влиться в состав болгар и мигрировать вместе с ними с территории Внутренней Азии в Европу¹⁰⁷. Он вполне логично отмечает, что незамеченность предполагаемой западной миграции табгачей письменными источниками не может считаться серьезным свидетельством против нее, поскольку табгачи могли до некоторых пор скрываться под «общенациональным» именем болгар. Однако, чем дальше по временной шкале мы продвигаемся, тем более невероятной эта теория становится, ибо, согласно предположе-

нию Клосона, после монгольского вторжения и падения булгар как престижной общности *табгачи*, а вернее, уже *чуваши* получили возможность вернуть этот этноним из забвения.

В целом с исторической точки зрения данная теория порождает значительно больше вопросов, чем дает ответов. Предполагаемые фонетические соответствия между этнонимами *табгач* и *чуваши* могут быть объяснены, только если исходить из пратюркского статуса слова **tiabgač*. Остается неясным, какой народ в пратюркском языке мог называться таким именем – уж не сами ли пратюрки? Их эндоэтноним нам неизвестен. Впрочем, с этим трудом согласуется то обстоятельство, что ныне практически общепризнанной является уже не тюркская, а (пара)монгольская принадлежность языка табгачей¹⁰⁸. Наконец, то предположение, что их этноним находился «в спячке» больше тысячи лет (с первых веков нашей эры, когда булгары переселились из Восточной Евразии в Западную, и до XVI в.), не будучи документированным на болгарских землях ни одним письменным источником, выглядит совершенно фантастическим. Учитывая очень позднюю документацию названия *чуваши*, этот вывод, между прочим, будет справедлив и относительно любой другой этимологии, претендующей на возведение данного слова к какому-либо условно «старому» этнониму. Кроме того, не только поздняя фиксация, но и достаточно нетипичный для исконных чувашских слов облик слова *чъваши* скорее указывает на заимствованный его характер. Из этой довольно очевидной идеи исходят практически все этимологии, которые рассматриваются ниже.

2.4. *Чавуш* «*младший офицер и т. п.»

Данная этимология основана на сравнении этнонима *чуваши* и имеющего с ним сходство названия «тюркско-иранской» должности *чавуш*. Впервые она была предложена, по-видимому, в 1973 г. Г.Е. Корниловым¹⁰⁹.

Восточный социальный термин *чавуш* имеет богатую историю бытования. Достоверно можно сказать, что у тюрков он встречается еще до начала активных контактов с арабо-персидским миром. В качестве антропонимического элемента вариант *čabiš* (традиционное чтение, хотя скорее все же *čabuš* или даже *čaboš*) отмечается в тронном имени правителя Первого Тюркского каганата (*Чабыш-каган*, годы правления 647–650), в имени тюркешского полководца и будущего правителя Тюркешского каганата (*Чабыш-Чор Сулук*, годы правления под тронным именем *Сулу-каган* 715–738), при упоминании посланца туцзюэсцев Гэцзегучжи ко двору китайского императора в 737 г. (*чабыш-эркин* – здесь не исключено апеллятивное употребление), в именах мемориантов недатированных енисейских рунических надписей Уйбат I (E-30) (*Чабыш Тон-таркан*) и Ийме (E-73) (*Чабыш Огуш*)¹¹⁰. В несколько более позднее время (XI в.) находим

определение караханидско-уйгурского слова *čaviš* в «Диване» Махмуда Кашгари: 'тот, кто регулирует ряды [воинов] в бою и удерживает в мирное время [войско] от насильственных действий'¹¹¹. В среднетюркскую эпоху и далее имеем, в частности, такие данные: ср.-тюрк., чагат., осм. *čaviš* 'офицер, выстраивающий боевой строй', чагат., осм. также 'судебный пристав, надзиратель, полицейский, стражник'¹¹².

Параллельно ранние употребления известны для этого термина и в иранском мире; в частности, он отмечен в одном из согдийских документов с горы Муг (VIII в., согд. ср'уš)¹¹³. В классическом персидском имеем *چاوش* *čāvoš* ~ *čāvūš* в значениях типа 'военачальник; церемониймейстер, старший над прислугой; предводитель каравана; проводник в Мекку и т. п.'¹¹⁴. Ср. также семантику этого слова в языках бывших османских владений в Европе: венг. *csausz* 'nuntius, Herald = вестник, герольд', алб. *çaušh* 'капрал османской армии, адъютант, городской, заведующий общественными работами'; макед. *чауш* 'исторический чин унтер-офицера в османской армии', (уст.) 'вооружённый турецкий стражник', рум. *ceaúş* 'привратник, курьер, распорядитель, сержант', срб.-хрв. *čăŭš* = *чаўш* 'чин унтер-офицера в османской армии, распорядитель церемоний на свадьбе, городской глашатай'. В целом детали распространения этого слова по Евразии были хорошо разобраны Г. Дёрфером¹¹⁵.

С этимологической точки зрения термин *чавуш* остается очень проблематичным. Вообще говоря, распространение и облик тюркского слова в позднесредневековую эпоху и Новое время довольно ясно указывают на персидское заимствование; наверное, персизм следует предполагать уже для караханидско-уйгурского *čaviš* в XI в. Собственно, это – стандартная этимология тюркского слова¹¹⁶. При этом документация данного термина в доисламских рунических памятниках тюрков Внутренней Азии и в ранних китайских источниках, описывающих отношения с тюрками, фактически исключает персизм в их случае. Поскольку персидское слово не имеет при этом никакой иной этимологии, не исключено, что оно само является ранним заимствованием из формы типа др.-тюрк. *čabos*¹¹⁷. Что же касается раннего тюркского слова, то, во-первых, его семантика с трудом поддается определению из-за фиксации почти исключительно в антропонимах; при этом обозначение посланца тюрков-туцзюэ в китайском источнике (*чабыш-эркин*) может все же говорить о семантике типа 'посланник', которая отмечается для этого слова и в более позднее время. Далее, конечно, возможно пытаться объяснить тюркское слово на собственной почве, например, видеть здесь производное от *čāb 'крик, призыв, облик; слава'¹¹⁸, но непродуктивность предпологаемой в таком случае словообразовательной модели заставляет относиться к такой этимологии со скепсисом. При этом некоторые прозрачные производные от *čāb по семантике явно подходят очень близко к значениям *чавуш*, так что контаминация двух этимонов бо-

лее чем вероятно, ср. казах. *šab-ar* ‘посыльный’ (возводится к *čāb М. Рясняном¹¹⁹) и чагат. *čav-či* ‘глашатай’ (явно ошибочно считается М. Рясняном¹²⁰ вариантом слова *чавуш*). Выглядит перспективно предлагаемое в «Этимологическом словаре алтайских языков»¹²¹ сравнение предположительно выделяемой в тюркском слове основы **čabu-* и военными терминами в других алтайских ветвях, в частности, тунг. *čabu-ka ‘войско’ и монг. *čayu-r (< *čabu-r) ‘военный поход’. Однако формальная проблема здесь та же, что и в случае производности от *čāb ‘призыв’ (отсутствие продуктивного отыменного *-(U)š* в тюркских языках). На этом фоне не стоит сбрасывать со счетов возможность заимствованного характера и доисламского тюркского термина (ср. версию В.А. Лившица о заимствовании из приведенного выше согдийского слова¹²²), но сущностно вопрос о конечной этимологии данного термина остается открытым.

Обсуждение возможного происхождения этнонима *чуваши* от рассматриваемого термина ставит нас в довольно парадоксальную ситуацию. С одной стороны, несомненно разительное фонетическое сходство слов *чуваши* и *чавуш*. При этом как в общетипологическом плане происхождение этнонимов от социальных терминов является вполне тривиальным, так и в частной ареальной перспективе вполне можно усматривать исторические основания, по которым содержание социального термина *чавуш* могло бы обусловить его употребление в качестве этнонима по отношению к болгароязычным группам в эпоху Казанского ханства. Если обобщить значение данного термина в персидском, а также в тюркских языках (с XI в. и далее), *чавуш* – это военный или гражданский чиновник, как правило, невысокого ранга, т. е. в целом может восстанавливаться семантика типа ‘младший офицер’ (ср. значение ‘сержант’ в современном турецком) ~ ‘младший служащий’. В связи с этим необходимо остановиться на вопросе социального положения чувашей в структуре Казанского ханства и занимаемых ими страт к началу XVI в., когда их название впервые упоминается.

Вопреки стереотипному мнению об исключительно угнетенном положении чувашей в составе ханства, нет сомнения, что фактами притеснения картина вовсе не исчерпывалась. Даже у В.Д. Димитриева, труды которого окончательно легитимизировали эту уже существовавшую в чувашской историографии концепцию, приводятся чувашские исторические предания, иллюстрирующие не только гнет со стороны татарской знати и администрации, но и факты более или менее успешного служения Казани. В частности, по этим преданиям известны образы князя Уразмеда, который жил у казанского хана и был предводителем его войска; Шемердяна, ходившего походами на соседние народы (его еще Н.И. Золотницкий отождествлял с историческим князем Шемерденем Чураковым, который участвовал в 1529 г. в переговорах с Василием III в Москве); чувашского старшины Пулата; мурзы Кошкака; тархана-сотника Салтыка, который даже

вылечил казанского хана от смертельной болезни¹²³. Кроме того, языковые свидетельства неизбежно указывают на сохранение чувашской служилой знати в казанское время, а значит, и на общую ее вовлеченность в административную структуру ханства. Иначе невозможно объяснить наличие в чувашском языке фактически полного ряда слов для обозначения титулов и т. п. обозначений в феодальной иерархии: *нӹ ‘князь’ (сохранилось в чувашском в составе *ѐм-нӹ* ‘царь’, букв. ‘великий князь’, *сѣрнӹ* ‘сотник’, *вунпӹ* ‘десятник’), *турхан* ‘тархан (привилегированное лицо, обладатель налоговых и др. льгот)’, *тӑрӑм* ~ *тӑрӑн* ‘наместник’ (сохранилось в чувашском в составе топонимов), *ултут* ‘барин, помещик’. Причем для большинства таких слов может быть показано исконно чувашское происхождение, а это говорит о том, что перед нами картина не отстраненного наблюдения за феодальными отношениями, а включенного в них участия – в противном случае ожидалось бы массовое заимствование соответствующей терминологии из татарского. Даже по общеисторическим соображениям, учитывая документированную многочисленность чувашей в составе ханства, трудно думать, что они не привлекались к управлению, по крайней мере, на низовом (локальном) и среднем уровнях. С возможным приписыванием этнониму буквального значения типа ‘*младший офицер’ в общем согласуются рассмотренные выше факты важной роли чувашей в военном деле ханства (указания С. Герберштейна и т. д.)¹²⁴.

С другой стороны, все заманчивые моменты такой исторической реконструкции наталкиваются на непреодолимые препятствия лингвистического характера. Дело в том, что при ближайшем рассмотрении ни один конкретный сценарий проникновения слова *чавуш* в Среднее Поволжье не может считаться правдоподобным.

1) Если предположить незаимствованный характер этнонима *чӑваш* в чувашском языке и его исконную связь с др.-тюрк. *čaboš* (для которого, в отличие от более поздних тюркских форм, мы считаем маловероятным персидское происхождение), объяснить их совокупно можно, только реконструируя на пратюркском уровне чрезвычайно нетривиальный вариант типа *čīaboł. Надо иметь в виду, что формально чувашское и древнетюркское слова вполне возводимы к общему предковому состоянию, но не любая формальная возводимость какой-либо пары слов на прауровень говорит о том, что их *следует* возводить к прауровню. С этой точки зрения очень подозрительно, что приведенная гипотетическая праформа практически целиком состоит из очень редких для пратюркского языка сегментов, ср. дифтонг *-ia-*, гласный *-o-* во втором слоге, **-ə* в исходе трехсложной основы. За пределами сугубо формального аспекта ситуация не лучше: булгарская титулатура очень плохо документирована греческими, арабскими, древнерусскими источниками середины I – первой трети II тыс. н. э., и в случае исконности довольно удивительно, что при всем относительном

богатстве этой терминологии название должности *чавуш* и т. п. применительно к булгарам источниками ни разу не фиксируется.

Единственным исключением мог бы считаться термин *جاوشیغر* *jāw-š-y-ğ-r* (~ *jāw-šīğ-r*), которым Ибн Фадлан (X в.) характеризовал третьего человека в военной иерархии хазар. Согласно старой и сохраняющей популярность интерпретации, в первой части этого слова отражается *чавуш*. М. Эрдал предлагает читать здесь *čaviš-jīgar* (*čaviš-yīgar* в используемой им транслитерации), т. е. – *чавыш-йыгар*, усматривая во второй части аорист от тюрк. *jīy-* ‘собирать, созывать’. Вся конструкция в таком случае имеет значение ‘тот, кто собирает / созывает чавушей’¹²⁵. Заметим, что при условии верности этой интерпретации *йыгар* имеет выражено стандартно-тюркский облик и не может отражать историческую фонетику болгарской группы (в которой для хазарского времени ожидалось бы нечто вроде *žīwar), а значит, и болгарская языковая принадлежность первой части сложения оказывается очень маловероятной. Учитывая многоязычный характер Хазарского государства, от привязки этой формы к языковому материалу болгарского типа можно в целом безболезненно отказаться. Добавим к этому, что существует и ряд альтернативных трактовок этого сложения (правда, требующих, как правило, конъектуры фадлановской формы), и далеко не все из них исходят из идентификации термина *чавуш* в его первой части¹²⁶.

2а) Если усматривать здесь одно из персидских заимствований в язык волжских болгар домонгольского периода (наличие таковых подтверждают чув. *эрне* ‘неделя’, *хуҫа* ‘хозяин’¹²⁷), предполагая таким образом возведение чув. *чаваш* к волжско-булгарскому источнику типа *čawaš (← перс. *čāvoš*), то очень трудно объяснить сохранение *ч-* при переходе от волжско-булгарского (древнечувацкого) состояния к среднечувацкому языку послемонгольского периода. Стандартно в таких случаях ожидалось бы развитие в *с*-¹²⁸. Конечно, можно предполагать заимствование этого термина татарами от каких-нибудь сохранявшихся *ч-*кающих групп волжских болгар после 1236 г. и преобразование по не вполне ясному механизму¹²⁹ в *чуаш* (татарское название чувашей) на собственно татарской почве, но как лингвистически, так и исторически такая цепочка выглядит весьма спекулятивно. Кроме того, этот вариант, как и предыдущий, совершенно не объясняет полное молчание письменных источников до XVI в. об этом, по-видимому, важном социальном термине. Заметим вдобавок, что другие ранние персизмы в чувашском были, видимо, настолько социолингвистически значимы, что попали через его посредство в различные соседние языки (‘неделя’ – в марийский и удмуртский, ‘хозяин’ – также в коми и древнерусский). На этом фоне очень подозрительно, что слово *чуаш* в его «доэтнонимическом» употреблении ни одному из этих языков неизвестно.

2б) Наконец, можно предположить проникновение перс. *čāvoš* в Среднее Поволжье уже в ордынское или казанское время. Преобразование

этой формы в *чăваш* на чувашской почве было бы закономерно, но предполагать прямой в персизм в чувашском в обход татарского для этого времени уже едва ли возможно. При этом адаптация перс. *čāvoš* → тат. *чуаш* выглядит еще менее вероятной, чем при сценарии (2а); ожидалось бы *чавыш* [čawəš] и т. п. И опять же совершенно необъяснимым оказывается молчание местных письменных источников об этом социальном термине (сам факт заимствования которого должен подтверждать его важность). Вообще говоря, что касается государств 2-го тысячелетия с преобладающим или значительным тюркоязычным элементом, бытование термина *чавуш* отмечается, помимо упомянутого выше Караханидского государства, в частности, в государствах Газневидов, Хорезмшахов, Сельджукидов, Айюбидов, в Мамлюкском султанате и, наконец, очень широко – в Османской империи¹³⁰. При этом в документах постордынских тюрко-татарских государств удалось выявить использование данного термина лишь для Крымского ханства¹³¹, тесно связанного с Турцией, где термин имел широкое хождение. Однако его нет ни в титулатуре болгарских надгробных надписей XIII–XIV вв.¹³², ни в социальной терминологии в источниках по Золотой Орде¹³³ и Казанскому ханству¹³⁴. Можно, конечно, предполагать занесение этого термина на Среднюю Волгу в ордынскую эпоху с Тимуридами из Средней Азии или же в казанское время из Крыма, а отсутствие термина *чавуш* как в письменных источниках, так и в живых языках Волго-Камского региона объяснять случайностью, но, учитывая весь комплекс рассмотренных свидетельств, такие построения обречены оставаться в области чистых спекуляций.

2.5. *Шÿйш ‘земледелец’

В 1998 г., в очередной раз обращаясь к проблеме *ясачной чюваши* Заказанья, Д.М. Исхаков сослался на неопубликованную работу Р.Г. Ахметьянова «К значению слова *чуваши* (*чюваши*) в документах XVI–XVII веков», согласно которой некое слово *šÿäš* (откуда как будто бы и происходит название *чюваши* ~ *чуваши*) якобы могло иметь значение ‘крестьянин, земледелец’. Для Д.М. Исхакова данная версия стала одним из доказательств принадлежности заказанской *чюваши* русских источников к «черному народу», феодально-зависимой «низовой» страте казанско-татарского этноса, хотя автор и признает, что на часть чувашского этноса (правобережную) это именование также распространялось. Д.М. Исхаков также отметил, что Р.Г. Ахметьянов видит причину усвоения данного этнонима чувашами в том, что, помимо земледельцев, данный термин обозначал и некое языческое божество. По мысли Д.М. Исхакова, при смешении болгар с древними марийцами (близкими к горным мари) в рамках формирования чувашского этноса именно в марийской среде слово *чуваши* закрепилось в качестве этнонима¹³⁵ (заметим, что мотивировка этого сценария повисает в воздухе).

Позже эта точка зрения с отсылкой на Р.Г. Ахметьянова получила определенное распространение в татарской науке и даже попала в обобщающую монографию «Татары» (2001)¹³⁶.

Попытка разобраться в этом вопросе показывает, что, вопреки ссылкам Д.М. Исакова на неопубликованную рукопись Р.Г. Ахметьянова, последний еще в 1996 г. издал статью с почти таким же названием («К значению слова *чуваши* в документах XVI–XVII вв.»). В данной работе нет ни слова о том, что слово *šiiš* могло иметь значение ‘крестьянин, земледелец’. Вместо этого автор фактически приходит к выводу о неясности его происхождения и предполагает, что оно могло означать «что-то положительное, например: название божества..., почетную должность или профессию, а может, и животное-тотем»¹³⁷. Для оценки данной этимологии достаточно сказать, что слово *šiiš* в сколько-нибудь подходящем для построений Р.Г. Ахметьянова и Д.М. Исакова значении тюркологии неизвестно, т. е. оно является абсолютно фантомным¹³⁸. Однако полноты ради остановимся и на экстралингвистической части данной интерпретации.

Выше уже было сказано о вероятной преемственности *ясачной чюваши* Казанского края по отношению к «худым болгарам», «болгарской черни» предыдущей эпохи, для которых земледелие было основным занятием. Опять же приходится повториться, что чувашаи были наиболее многочисленным народом Казанского ханства; в этом плане было бы логично предполагать, что они составляли и основу земледельческого податного населения. С известными оговорками здесь можно говорить об оппозиции по отношению к *татарам* – постольку, поскольку большинство исследователей признает, что последний термин имел в определенной степени словное значение и мог применяться в отношении представителей военно-служилого сословия, социальной верхушки чингизидских государств¹³⁹. Трудно оспаривать основополагающую роль земледелия в хозяйстве чувашского народа, так что основанные на этом версии этимологии его этнонима вполне можно было бы принять к рассмотрению, если бы для этого были хоть какие-то собственно лингвистические основания. Отметим только, что подобная мотивировка все же выглядела бы довольно сомнительно в ареально-типологической перспективе, поскольку в Волго-Уральском регионе неизвестны иные народы, чьи названия были бы связаны с основным хозяйственным занятием.

2.6. Чув. *šäwäs ‘язычник’

В 1980 г. Н.И. Егоров выступил с новой концепцией происхождения названия *чуваши*¹⁴⁰. Данный этноним сформировался, по его мнению, на татарской почве при усвоении заимствования из раннего чув. *šäwäs ‘язычник’, букв. ‘жертвоприносите́ль’. Предполагается, что именно в татарском данное слово приняло близкое к современному звучание (ср. тат. *чуаши*) и

сугубо этнонимическое (не содержащее конфессионального компонента) значение, а затем, после образования в середине XV в. Казанского ханства, оно вернулось как заимствование в чувашский язык. Противопоставление групп населения Булгарского улуса по конфессиональному признаку (мусульмане-*бесермяне* и язычники-*сăвас*) сложилось, по мысли Н.И. Егорова, в золотоордынский период булгаро-чувашской истории. Тот же этимон представлен как заимствование из чувашского в марийском слове *суас*, которое изначально относилось к чувашам и только со временем, по мере отатаривания заказанской *човаши*, подспудно распространилось на татар¹⁴¹.

Сразу необходимо сказать о серьезных недостатках этой этимологии с формальной точки зрения. В качестве прототипа чув. *сăвас ‘жертвоприноситель’ Н.И. Егоров реконструирует пратюрк. *јау-и-сї, производное имя от глагола, древнетюркский рефлекс которого цитируется в «Древнетюркском словаре»¹⁴² со ссылкой на турфанский древнеуйгурский материал как *јау-* ‘приносить жертву’. Каковы же реальные этимологические факты, стоящие за этой реконструкцией?

Раннее упоминание данного этимона находим у Махмуда Кашгари (XI в.), который приводит в своем «Диване...» слово *јауїш* и характеризует его как ‘жертвоприношение, совершаемое язычниками своим идолам во исполнение обета или ради приближения [к ним]’, явно намекая таким определением на связь этого имени с глаголом *јауи-* ‘приближаться’. Это выглядит, конечно, как народная этимология. Заметим попутно, что язычники, о которых говорит уйгур-мусульманин Махмуд – это уйгуры-буддисты из княжеств Турфана и Кочо, т. е. «язычник» здесь – сугубо субъективная характеристика, и никакой имманентной идеи «языческого жертвоприношения» в этом термине не заложено. Это важно, поскольку в таком случае и предполагаемая производящая основа названия чувашей лишается правдоподобной «языческой» мотивации. В целом как глагол, правильное читаемый в варианте *јауа-* ‘приносить жертву’, так и отглагольное имя *јауїш*, судя по всем источникам, локализируются только в древнеуйгурском буддистском ареале¹⁴³; за его пределами это слово, насколько известно, не представлено вовсе. Уже это наводит на большие сомнения относительно возможности отражения этого же этимона в чувашском. В древнеуйгурском мы наблюдаем, по всей видимости, узколокальную инновацию, хотя этимология указанного глагола и имени и вызывает некоторые сложности. По Дж. Клосону¹⁴⁴, др.-тюрк. *јау-їш* ‘жертвоприношение’, букв. ‘*возлияние’ следует отождествлять с *јау-їш* ‘дождь’, что сомнительно: насколько известно, нигде тюркское *јау-* ‘идти, лить (о дожде)’ не употребляется как ‘лить (о человеке)’. Л. Лигети высказался против реконструкции для *јауїш* значения ‘возлияние’; он отметил трудный характер этой этимологии, но склонялся к производности от др.-тюрк. *јау* ‘жир’¹⁴⁵. М. Эрдал уже более уверенно восстанавливает значение *јауїш* как ‘жертвоприношение мясом’, усматривая

в нем производное от глагола *jaγ-a-* < пратюрк. **ja:γ* ‘жир’¹⁴⁶, с чем можно согласиться¹⁴⁷.

Также Н.И. Егоров полагает, что некое отглагольное имя *jaγ-u ‘жертва’, лежащее в основе гипотетического **jaγ-u-č'i*, отражается в чув. *су*, известном в качестве элемента топонимов, а также сложений *су-чӳваши* и *су-сӳрмӳс*. В целом это сближение безосновательно. Реально в словаре Н.И. Ашмарина для этих сложений (отдельного слова неизвестно) даются такие значения: *су-чӳваши* ‘так называли чуваш, которые жили наполовину по-христиански, наполовину по-мусульмански’, *су-сӳрмӳс* ‘мари’ (видимо, имеется какая-то обособленная группа марийцев, хотя этот момент не проясняется)¹⁴⁸. По свидетельству В.Г. Егорова¹⁴⁹, сам Н.И. Ашмарин усматривал здесь иначе недокументированное чув. *су ‘враг’ (< пратюрк. *jaγi ‘тж.’), но это – лишь догадка, а не реальные показания лексикографического материала. Приводимое в современных чувашских словарях для *су* значение ‘некрещеный (о чувашах и марийцах)’ явно представляет собой творческое переосмысление этнографического комментария Н.И. Ашмарина к понятию *су-чӳваши* («*су-чӳваши* хоронили умерших отдельно, детей не крестили, волосы носили длинные»¹⁵⁰) и носит опять же фиктивный характер. Реально документированные для *су* значения в первичном источнике не указывают ни на связь с жертвоприношениями, ни на враждебный статус. С тем же др.-тюрк. *jaγ(a)-* ‘приносить жертву’ Н.И. Егоров сравнивает также чув. *сылӳх*, (диал.) *сывлӳх* ‘грех’. Между тем значительно лучше видеть в чувашской основе *сыв-* продолжение пратюрк. **jab-* ‘плохой’, откуда имеем различные распространенные в узкотюркской ветви производные (*jab-iz, *jab-γan, *jab-an > *jam-an).

Вдобавок к прочим аргументам, подрывающим правдоподобие этимологии Н.И. Егорова, отметим, что не сочетается с ней и облик луг.-мар., горн.-мар. *суас*. В данной позиции такое соответствие (-у- в обоих основных марийских наречиях) указывает на этимологически узкий гласный. В случае отражения этимологически широкого гласного, как в случае рефлекса **jaγ(a)-*, ожидалось бы луг.-мар. *суас*, горн.-мар. *соас. Помимо целого ряда подобных случаев с соответствием луг.-мар. у ~ горн.-мар. о в лексике уральского происхождения, ср. и следующие чувашизмы: луг.-мар. *улак*, горн.-мар. *олак* ‘укромный, уединенный; посиделки’ ← предковая форма чув. *улах* ‘тж.’ < пратюрк. *aγilaqə; луг.-мар. *тутло*, горн.-мар. *тотлы* ‘вкусный’ ← предковая форма чув. *тутлӳ* ‘тж.’ < пратюрк. *dāb-t; луг.-мар. *узо*, горн.-мар. *озы* ‘самец’ ← недокументированный чув. рефлекс пратюрк. *abičə.

В.Г. Родионов, изначально разделявший мнение Н.И. Егорова о производности имени *чуваши* от глагола со значением ‘приносить жертву’, позднее развил собственное видение этой теории, усматривая в предполагаемом *сӳвас ‘язычник’, заимствованном в татарский и вернувшемся обратно в ва-

рианте *чӑваш*, основу, эквивалентную др.-тюрк. *joγ* ‘поминальный обряд’. Среди сохранившихся при этом чувашских слов, принадлежащих к тому же этимону, фигурируют опять же *су* и *сы(в)лӑх*, но кроме них – *сӑва* ‘кладбище’. Отметим, что это последнее слово действительно следует возводить к пратюрк. *joγ-aq и считать, таким образом, когнатом др.-тюрк. *joγ* ‘поминки, поминальный пир’. По мысли В.Г. Родионова, *сӑва-с ‘язычник’ – это буквально «человек, придерживающийся обряда поминовения предков вблизи кладбищ»¹⁵¹ (*сӑва*). Заметим, что на фоне предыдущей версии этой гипотезы данная выгодно отличается тем, что никаких собственно лингвистических препятствий для возведения *сӑва-с к *сӑва* не наблюдается; это абсолютно регулярная модель образования отыменных имен деятеля. Все проблемы кроются в экстралингвистической части¹⁵², а именно в самой идее о том, что наиболее характерной особенностью чувашей в период образования их этнонима был специфически «языческий» – на фоне других народов Среднего Поволжья и, в частности, болгар-мусульман – характер чувашской культуры.

В целом данная гипотеза зиждется на популярной в чувашской гуманитарной науке предпосылке, согласно которой с X в. и далее влияние мусульманства на быт и мировоззрение основной массы болгар было незначительным, а попытки насадить догматический ислам со стороны социальной верхушки среди широких масс встречали ожесточенное сопротивление. В качестве подтверждения такой картины мира даются ссылки на Ибн Фадлана (рассмотренный выше отрывок о конфликте людей *с-ван* с Алмушем) и монаха Юлиана (пассаж о том, что жители Булгарии являются язычниками)¹⁵³. Кроме того, одним из доказательств разделения населения Булгарии по конфессиональному признаку и аргументом в пользу «языческой» этимологии имени *чуваши* Н.И. Егоров считает факт предполагаемого смешения терминов *чуваши* и *бесермянин* в XVI–XVII вв. (что также было рассмотрено нами выше). Это, по его мнению, свидетельствует об общей (булгарской) этнической основе этих народов, но исторически различном вероисповедании¹⁵⁴. Далее, Н.И. Егоров подчеркивает конфессиональный «подтекст» у слова *чӑваш* в чувашском языке XIX–XX вв., отмечая, что языческие «концы» чувашских деревень назывались самими чувашами *чӑваш касси* ‘чувашский околоток’, а в поликонфессиональных чувашских деревнях чувашами назывались только приверженцы народной религии (чувашаи-христиане – *кӑрешӗн*, чувашаи-мусульмане – *тутар*)¹⁵⁵. Н.И. Егоров цитирует также одного из информаторов Н.В. Никольского – учителя из д. Баландаево Самарской губернии Ефима Николаева (1904), который сообщил, что чувашами называли в старину не принявших крещения¹⁵⁶.

Идея «чувашей-язычников», думается, в целом вписывается в давнюю гипотезу о жестком разделении болгар по конфессиональному признаку (М.Г. Худяков, Н.Н. Фирсов, А.П. Смирнов, Б.Д. Греков, Н.Ф. Калинин,

А.П. Ковалевский, В.Д. Димитриев и др.). В кристаллизованном виде эта точка зрения выражена В.Ф. Каховским: «Религия выполняла в Волжской Болгарии роль этноразделительного барьера и явилась в итоге одним из факторов, которые сыграли свою роль в формировании на болгарской этнической основе двух народов – чувашского, сохранившего древнюю языческую религию, и татарского, исповедовавшего ислам»¹⁵⁷. Предполагалось, что основная часть сельского болгарского населения («худые болгары») не подверглась глубокой исламизации и сохранила языческие верования. Здесь мы выходим на один из концептуальных вопросов в истории Волжской Булгарии – о соотношении догматического ислама и традиционных верований в этом средневековом государстве.

На сегодняшний день наукой накоплено немало сведений о распространении ислама в Волжской Булгарии. О достаточно раннем и широком распространении мусульманской религии в первую очередь рассказывают восточные и западные источники с X в. (Ибн Русте, Ибн Фадлан, ал-Масуди, Истахри, Марвази, Гардизи, «Худуд ал-алам», Повесть временных лет). Они отмечают наличие в Булгарии с X в. мусульманских общин, муэдзинов, имамов и кади, мечетей, погребального обряда, дипломатических связей религиозного характера (совершение булгарами хаджа в Мекку, отправка посольства к киевскому князю Владимиру с предложением принять ислам, отправка денег в Хорасан на строительство мечетей). Гильом де Рубрук и Роджер Бэкон (XIII в.) писали о том, что болгары были «злейшими сарацинами». О том, что Булгария стала страной мусульманской грамотности и образованности, свидетельствуют биографии известных на мусульманском Востоке ученых-булгар (с нисбой *ал-Булгари*)¹⁵⁸. К археологическим свидетельствам распространения ислама у булгар относятся исследованные руины мечетей (Биляр, Елабуга), мусульманские некрополи в городских и сельских болгарских поселениях (по Е.А. Халиковой, 9 могильников и 583 погребения¹⁵⁹; по более поздним подсчетам И.Л. Измайлова, уже 59 могильников и 970 погребений), отсутствие костей свиньи и тары для транспортировки вина (0,1–0,2 % по И.Л. Измайлову) в культурных слоях поселений. И.Л. Измайлов относит сюда также находки кораниц (футляры для хранения молитв – тумары) и их костяных подражаний, импортные предметы из стран исламского Востока, предметы с арабскими надписями¹⁶⁰. На основании вышеперечисленного И.Л. Измайлов не только делает вывод о том, что у всех булгар господствовал ортодоксальный ислам, но и предполагает, что они находились в состоянии постоянной «священной войны» с соседями-язычниками, а идея джихада была важной частью политической доктрины Волжской Булгарии.

Контрдоводами такой мусульманской ортодоксии у средневековых булгар являются факты, доказывающие полиэтничность и поликонфессиональность населения Волжской Булгарии и Булгарского улуса в X–XIV вв.

при неоспоримой роли ислама как государственной религии. Так, несмотря на довольно устойчивые черты мусульманского обряда погребения, уже в X–XI вв. исследовавшая этот обряд Е.А. Халикова отмечала отклонения от ортодоксальности, случаи реминисценции языческих культов¹⁶¹. На некоторых болгарских поселениях различными исследователями были выявлены следы культовых действий и остатки святилищ¹⁶². Масса языческих черт сохранялась в бытовой культуре населения (амулеты, идольчики, гадальные кости и др.). Следы сохранения немусульманских мифов и образов ученые видят в синкретическом болгарском искусстве (амулеты Тенгри ~ *Турд*, антропоморфные и зооморфные сюжеты)¹⁶³. А.Х. Халиков для реконструкции космогонических мифов и генеалогических преданий болгар, восходящих к общетюркской и уральской мифологии, использовал некоторые археологические находки (височные подвески с уточками ~ миф о ныряющей утке, замки с фигурками всадников ~ общетюркские генеалогические мифы)¹⁶⁴.

Отсутствие религиозных войн с соседями-язычниками доказывается проживанием на болгарской территории средневековых мери (?), мордвы, мари, пермского, угорского, тюркского, русского населения (а в городах также армянского), оставившего соответствующие языческие и христианские могильники, разнообразную традиционную посуду на поселенческих памятниках, «этнические» и иноконфессиональные украшения, а также гибридные изделия. По заключению К.А. Руденко, «ислам, являясь основным вероисповеданием для населения Булгарии в XI–XIV вв., тем не менее не препятствовал и существованию неисламских культов, тем более, что в различные периоды истории его роль как государственной религии частично или полностью утрачивалась (например, после монгольского нашествия или в последней трети XIV в.)»¹⁶⁵. Таким образом, трудно говорить о Волжской Булгарии как о мусульманском эмирате с политической доктриной постоянного джихада. По-видимому, под мусульманской оболочкой продолжали существовать, встроившись в нее, и собственно тюркские религиозные представления (анимистические, «тенгрианские» и т. д.). Мы не склонны относить их чисто к области суеверий; скорее можно говорить о существовании их внутри *народного ислама* как частного проявления *народной религии*, т. е. таких проявлений религиозных верований, которые бытуют на «низовом» уровне и существенно отличаются от «высоких», институционализированных форм религии. Соответственно, народный ислам определяется в литературе (у Л. Риджена и др.) как ислам «городской бедноты, селян и племен», который противопоставлен ортодоксальному «высокому» исламу, а также как ислам суфийских мистиков. В рамках народного ислама сохраняются старые названия богов и духов, образы которых сливаются с образами мусульманских святых, культ предков перерастает в поклонение и паломничество к святым местам и захоронениям (*ауля*), сохраняется вера в мелких божков и духов (земли, воды, солнца и луны,

природных и культурных объектов), вера в магию (лечебную, любовную, аграрную и др.) и силу амулетов, аграрные и семейно-родовые обряды и ритуалы.

Здесь уместно вновь вернуться к вопросу о *чуваши* Заказанья и Чепецкого края. Накоплено некоторое количество фактов относительно религиозной принадлежности этого населения. С одной стороны, именно в районе Нижней Вятки с XIV в. и далее к удмуртам и/или бесермянам попадают отдельные понятия чувашской народной религии, в этимологическом отношении не выводимые из исламской культурной лексики (*акашка* ~ *акайшка* 'весенний обрядовый цикл', *сурем* 'обряд изгнания духов', *чѳкан* 'обряд жертвоприношения', *сѳблык* ~ *селѳк* 'грех'). При этом в содержательном плане по крайней мере бесермянская *акайшка* демонстрирует следы мощнейшего мусульманского влияния; на исламские по происхождению термины в том чувашском языке, из которого шел поток лексики в бесермянский и собственно удмуртский, указывают заимствования *Ашанартна* 'имя в заговорах'¹⁶⁶, *арня* 'неделя', *адями* 'человек'. Упоминание в актовом материале случаев присяги «татар и чувашей» «по их вере и *шерти*» (← араб. *شرط* *šart* 'договор, клауза'), использование термина *агаряне* (мусульмане) по отношению к чепецкой *чуваши*, обилие кладбищ с арабографичными эпитафиями на территории расселения *ясачной чувашей*, упоминание рядом с селениями *ясачных чувашей татарских кладбищ* (1602–1603) [в частности, *ясачной татары* д. Ачей Зюрейской даруги Казанского уезда, которая схоронила *мертвых чувашу*, учинив *татарские мазары* (1673)]¹⁶⁷ – все это говорит о системообразующей роли ислама в религиозных представлениях как минимум части *чувашиского* населения. Интересно, что, объясняя экзоэтнонимы татар у марийцев и башкир, Шигабутдин Марджани писал, что *чувашами* последние называют именно мусульман (а не татар), живущих в Казани и ее окрестностях. Татарский просветитель на этом основании даже делал вывод, что чувашаи рано приняли ислам¹⁶⁸. На наш взгляд, эти факты идут вразрез с попыткой вывести этимологию названия *чуваши* из слова со значением 'язычник'.

О том, что чувашаи еще в XVIII–XIX вв. сохраняли значительный пласт исламских воззрений в языке, религии и культуре, свидетельствует множество фактов, которые игнорируются сторонниками «языческой» версии чувашского этногенеза. Имена, формы приветствия, названия божеств и духов, сакральных мест и жрецов народного культа, молитвенные формулы, элементы похоронной обрядности, многие термины моральной оценки в чувашском языке имеют арабское или персидское происхождение¹⁶⁹. Также для чувашей характерен культ арабографичных надгробных камней и «татарских» кладбищ¹⁷⁰. На основании указанных фактов еще в начале XX в. Д. Месарош пришел к выводу, что «большая часть [чувашского] народа когда-то была мусульманами, но в результате позднейшей неблагопри-

ятной политической ситуации связь между ними и мусульманским миром прекратилась, и в душе народа неукоренившийся ислам слился с еще не совсем забытым язычеством»¹⁷¹. Объяснение столь длительному сохранению язычества и неукоренению ортодоксального мусульманства можно найти только в феномене народного ислама с его известным синкретизмом¹⁷². В его рамках нормально сосуществовали более ранние религиозные представления, как исконные тюркские, так и заимствованные от финно-угров. Несомненное ареально-типологическое сходство связывает религиозные представления чувашей и народные религии других мусульманизированных ранее в Средние века народов Волго-Камского региона: татар-кряшен и бесермян. Вероятно, первая волна чувашей, переселившаяся на территорию современной Чувашии, могла быть в значительной степени мусульманизированной. Так, татарский просветитель и краевед XIX в. К. Насыри отмечал, что в некоторых деревнях Горной стороны жители вначале были мусульманами, а затем, смешавшись с язычниками, «почернели»¹⁷³. Подобную картину можно видеть и в материалах некоторых чувашских могильников, таких как Тегешевский¹⁷⁴.

Н.И. Егоров предполагает четкую оппозицию между язычниками-чувашами и мусульманами-бесермянами с золотоордынской эпохи, однако историческая традиция использования данных терминов в Волго-Уралье говорит не об устойчивом их параллельном употреблении, а о смене одного этнонима другим. Как уже отмечалось выше, еще М.Н. Тихомиров показал, что в XIII–XV вв. термин *бусурмане/бесермяне* в русских летописях использовался не только как конфессионим (для обозначения мусульман), но и как название волжских булгар. К моменту первых упоминаний этнонима *чуваши* (1508, 1510, 1521, 1522) русские источники уже не называют их бесермянами. Вероятно, это связано с хорошо заметным для внешних наблюдателей обращением татар в ислам и появлением в регионе более чем одного мусульманского народа. Исходя из данных писцовых, дозорных книг и актов можно предполагать прямую преемственность между указанными *булгарами* ~ *бесермянами* и *чувашей* Казанского и Свияжского уездов, Вятской земли и Горной стороны XVI–XVII вв.

Мы считаем, что восприятие чувашского мира как языческого (*чӑн чӑваш* – «истинные чуваш»), отличного в равной степени от христианского и мусульманского, нужно отнести ко времени не ранее XVIII в. – периоду принудительной христианизации чувашей, с одной стороны, и формирования институционализованного ислама, «исламской нации» у татар – с другой¹⁷⁵. Расширяющее сферу своего влияния христианство воспринимается как русская культура, а принявшие его считаются «не совсем чувашами», особой группировкой крещеных – *кӑрешӗн* или даже просто русскими¹⁷⁶. В ту же эпоху переход в ислам становится синонимом отатаривания, а связанные с мусульманством элементы чувашской истории

(арабографичные камни и проч.) становятся в восприятии чувашей татарскими. В связи с этим можно предполагать, что именно с XVIII в. для чувашей стало актуальным то соотношение идентичностей, которое ярко описывал в начале XX в. Г.И. Комиссаров: «Для чуваша или другого из наших инородцев выражение “принять мусульманство” тождественно выражению “уйти в татары”»: по принятии ислама тотчас оставляется родной язык, национальный костюм, национальные обычаи, и все это заменяется татарским. Чувашенин, принявший мухаммеданство, уже стыдится именоваться чувашенином и говорить по-чувашски, а называет себя татарином. “Я не чувашенин, т. е. не язычник”»¹⁷⁷.

Таким образом, исторически говорить о том, что существовало строгое разделение булгар и их потомков на язычников и мусульман в Волжской Булгарии, Булгарском улусе Золотой Орды или Казанском ханстве, не приходится. Нет и доказательств восприятия чувашей XVI–XVII вв. другими народами как язычников.

2.7. Чув. *çăваç ‘заречье > заречные’

В 1971 г. Г.В. Юсупов, пытаясь объяснить этимологию этнонима *чуваши* в связи с вопросом о ясачной чуваше Заказанья XVI–XVII вв., предложил отгаливаться от слова *ювач* ~ *юач* ~ *юась* ‘заречье’, сохранившегося в диалекте чепецких (каринских и глазовских) татар¹⁷⁸. В татарском диалектном словаре находим эту форму с пометой «гл<a>з<овское>», записанную как *йуwach* ‘противоположный берег реки’¹⁷⁹. Запись *юась* может объясняться особенностями произношения звука, соответствующего орфографическому ч, у татар бассейна Чепцы, см. описание его у Н.Б. Бургановой¹⁸⁰: «слабовыраженная аффриката», в которой «взрывной элемент весьма незначителен», в ряде позиций этот звук прямо описывается как «чистый щелевой мягкий спирант *ш*» (т. е. *š*).

Г.В. Юсупов не только провел связь между диалектным татарским словом и этнонимом чувашей, но и добавил к сравнению марийское название татар *суас*. Таким образом, новую жизнь обрела идея Н.И. Ашмарина, который, напомним, еще в 1902 г., обсуждая загадочное происхождение слова *чуваши*, придавал ключевое значение марийскому *суас* и возводил его к более раннему варианту типа *жуас, т. е. к тому же самому *юась* (см. выше). При этом Г.В. Юсупов совершенно неоправданно, оперируя ложными лингвистическими аргументами, счел возможным считать марийское слово заимствованным из татарского. От его внимания укрылось то обстоятельство, что мар. *суас* – это полностью ожидаемая субституция недокументированного соответствия тат. *ю(в)ач* в чувашском языке, для которого следовало бы предполагать облик типа *çăваç.

Тот факт, что реконструированная Н.И. Ашмариным по теоретическим основаниям форма только спустя почти 70 лет обрела подтверждение

в реальном языковом материале волго-камского ареала, не должен вызывать удивление, поскольку рассматриваемый этимон лишь точно представлен в языках тюркской семьи. Не случайно, что соответствующего вхождения нет ни в сравнительном словаре В.В. Радлова, ни в этимологическом словаре тюркских языков М. Рясняна, ни в этимологических словарях московской тюркологической школы; не упоминается оно и в указателе к тому «Лексика» «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков»¹⁸¹. При этом существующие фиксации все же заслуживают пристального внимания, поскольку фиксации эти касаются достаточно ключевых для определения диахронического статуса тюркского слова языков. Во-первых, слово *joγiç* ‘та сторона’ фиксируется в древнеуйгурских буддистских текстах с VIII в. и далее¹⁸². Во-вторых, в караханидско-уйгурском материале Махмуда Кашгари (XI в.) находим *يُجُج* *joγiç* ‘противоположный берег реки или канавы’¹⁸³. В-третьих, в языке Codex Cumanicus (XIV в.) имеем *joγač* ‘по ту сторону, на другой стороне’¹⁸⁴. В-четвертых, как топоним слово *Йогач* известно на территории Республики Алтай – это деревня (рус. *Йогач*) у истока р. Бии на оз. Алтын-Кёль (Телецком), стоящая на ее гористом берегу (в то время как на противоположном берегу располагается еще одна деревня Артыбаш). Это название могло быть дано собственно по-алтайски, по-теленгитски либо по-тубаларски (сама деревня изначально тубаларская)¹⁸⁵. Заметим в связи с этим, что документированное топонимическое употребление слова *йогач* само по себе важно с точки зрения темы нашего исследования, поскольку топонимика и этнонимика теснейшим образом связаны.

Таким образом, на древне- и среднетюркском уровне как будто восстанавливаются два варианта этого слова: **joγiç*¹⁸⁶ и **joγač*. В принимаемой нами версии пратюркской реконструкции такое соответствие между рефлексам указывает на пратюрк. **joγoč* (собственно, уже Дж. Клосон считал возможным давать указывающий на **joγoč* вариант транслитерации для древнетюркского материала¹⁸⁷). Регулярным рефлексом пратюрк. **joγoč* в чувашском была бы форма типа **çăvaç*, а заимствование его предкового варианта в марийский – *суас*.

После Г.В. Юсупова описанный сценарий был в целом принят М.Р. Федотовым: он первым указал на древнетюркскую параллель к чепецко-татарскому слову и указал на ошибки в татарско-марийском контактном сценарии Г.В. Юсупова, впрочем, одновременно запутав ситуацию привязкой данного этимона к фантомным *сувазам* А.П. Ковалевского¹⁸⁸. Кроме того, М.Р. Федотов предпринял попытку доказать, что предковая форма типа **йогач* могла напрямую развиваться в *чăваш*, с чем, конечно, трудно согласиться. Последующие исследователи справедливо указывали на необходимость усложнения этой схемы. Так, Н.И. Егоров, обсуждая эту этимологию (хотя и не принимая ее), отмечал целесообразность введения в этимологическую цепочку татарского посредства (и, соответственно, обратного заимствования из татарского в чувашский)¹⁸⁹.

Переходя к сущностному обсуждению этой этимологии, во-первых, нужно сказать, что в тюркских языках Волго-Камского региона перенос названия некоторой территории на название ее населения совершенно тривиален и не требует даже никакого особого грамматического маркирования (хотя в современной речи все же требуется, как правило, добавление маркера множественного числа, ср. чув. *Шупашкар* ‘Чебоксары’ > *шупашкар-сем* ‘чебоксарцы’). С этой точки зрения перенос названия некоторого Заречья на его жителей («заречан») не требует специальных доказательств. Во-вторых, замечательным образом данная этимология оказывается вовсе не единственной «заречной» в рассматриваемом ареале: так, С.К. Белых и В.В. Напольских объясняют тюркское название удмуртов *ар*, привлекая тат. *ары* ‘далее, по ту сторону’¹⁹⁰. Этот факт сам по себе укрепляет позиции «заречной» этимологии слова *чуваши* на фоне остальных гипотез¹⁹¹. Вопрос стоит о том, в каких историко-географических обстоятельствах какие-то группы болгароязычного населения могли получить такое именование. Г.В. Юсупов предполагал, что марийцы или некие «добулгарские тюрки» (?) правобережья Камы называли словом *суас* левобережных болгар, которые, перейдя затем на правый берег, стали называться чувашами в документах XVI–XVII вв. М.Р. Федотов также считал, что марийцы могли называть словом *суас* одно из болгарских племен, живших в Закамье и позднее вынужденных уйти на другой берег. К. Адягаши, развивая этимологию Юсупова–Федотова, предположила, что рефлексам **joʁaɕ* еще в домонгольское время взаимно обозначали друг друга две разделенные рекой группы волжских болгар, одна из которых говорила на *ч*-экающем, а другая на *сь*-экающем (по развитию пратюрк. **j-*) диалекте. Соответственно, форма *ч*-экающего диалекта отражается в чув. *чӑваш*, тат. *чуаш*, рус. *чуваши*, а форма *сь*-экающего – в марийском *суас*¹⁹².

В связи с этим надо отметить, что сценарии Г.В. Юсупова и М.Р. Федотова, концентрируясь на судьбе *суасов*, оставляют вовсе без правдоподобного объяснения происхождение *чувашей*. К. Адягаши пытается дать такое объяснение, которое даже не лишено своеобразного изящества, но построено оно на все еще мало обоснованном предположении о существовании некоего волжско-болгарского диалекта с развитием пратюрк. **j-* > **ç-*, а кроме того, имеет тот же существенный недостаток, что и многие другие рассмотренные выше этимологии, а именно относит происхождение этнонима *чуваши* ко времени на многие сотни лет раньше первого упоминания чувашей в источниках. Такой зиждущийся на экстраполяции сценарий еще можно было бы принимать для именованя, бытовавшего исключительно в качестве эндоэтнонима, но оснований считать таковым название *чуваши*, как мы знаем, нет.

На наш взгляд, следует придать ключевое значение тому факту, что как *суас*, так и *чуваши* указывают на внешние источники происхождения эт-

нонима: первый иллюстрирует ситуацию чувашско-марийского контакта, второй – чувашско-татарского. Как было указано выше, сам облик слова *чаваш* для исконной чувашской лексики очень нехарактерен и с большой вероятностью указывает на заимствование, а первый кандидат на роль источника в таком случае – тат. *чуаш*¹⁹³. Таким образом, очень вероятно, что данная пара этнонимов формировалась в зоне межэтнического пограничья, причем уже послемонгольских. Именно к этому времени (XIV–XV вв.) относятся интенсивнейшие чувашско-марийские контакты, в результате которых в марийский язык попало более 1700 чувашских заимствований. И, естественно, только в послемонгольское время в регионе появилось значительное кыпчакоязычное население. Ордынским и в особенности казанским периодом можно датировать активные чувашско-татарские контакты, ставшие очень значимым этапом как чувашского, так и татарского этногенеза.

Представляется, что весь комплекс рассмотренных свидетельств может быть объяснен при постулировании следующих процессов: 1) форма типа среднечувашского *śowas (фиктивное *čawaç в ожидаемой современной чувашской фонетике) заимствуется в общемарийский как *śowas (> регулярно *suas* и т. п. в современных марийских наречиях); 2) некоторая булгаро-чувашская форма (*śowas ~ *žowas ~ *čowas?) заимствуется в поволжско-кыпчакский как *čowas (> закономерно тат. *чуаш*); 3) поволжско-кыпчакское *čowas в результате обратного заимствования становится самоназванием чувашского народа.

Здесь остается рассмотреть два вопроса, без которых данная этимология не может считаться достаточно разработанной.

Первый вопрос касается историко-географических обстоятельств появления этнонима в случае принятия «заречной» этимологии. Приходится сразу оговориться, что наше понимание особенностей расселения различных народов Волго-Камского региона в эту эпоху, маршрутов и датировок их миграций весьма отрывочно, поэтому здесь можно оперировать лишь достаточно общими соображениями. Но важно то, что беспрецедентные для региона катаклизмы второй половины XIV – начала XV вв. – эпидемия чумы, «великая замятня» в Орде (1359–1380), походы Булат-Тимура (1361) и Тамерлана (1395), серии набегов русских князей и «ушкуйников» (1360–1409) – привели к «разорению Болгарской земли»¹⁹⁴, и именно в результате этих событий источники постепенно «забыли» о булгарах, а на страницах летописей появились новые этнонимы. Именно в этот период отмечаются существенные сдвиги населения в регионе: картографирование арабско-графичных надгробий¹⁹⁵, как и населенных пунктов Казанского ханства¹⁹⁶, показывает массовый отток болгарского населения на север за Волгу и за Каму в лесную часть Предволжья и в Предкамье, в то время как степная часть Булгарской области превращается в Дикое поле. Таким образом про-

исходит миграция заречных булгар на правый берег исторического Итиля (чув. *Атӑл*, тат. *Идел*), составляемого реками Белой, Нижней Камой и далее Средней и Нижней Волгой. Важной деталью «заречной» этимологии является именно такая трактовка исторической тюркской Волги, что позволяет говорить о перемещении булгар не в двух различных направлениях (за Каму и за Волгу), а на другой берег одной реки¹⁹⁷. Это булгароязычное население при самоидентификации среди местного населения, судя по всему, называло себя *çăваç, т. е. ‘заречными = прибывшими с другого берега реки’¹⁹⁸. Одним из народов, с которым встретились на новых землях предки чувашей, были марийцы, в языке которых перенятое от новых соседей слово *суас* закрепилось как обозначение суперстратного по отношению к ним тюркоязычного населения Предволжья и Предкамья. Позднее, по мере того как чувашаи на этих землях отатаривались (оставляя, однако, после себя значительный топонимический след), термин *суас* в луговомарийском наречии перешел на татар.

По-видимому, именно с *çăваç в значении ‘переселенцы с другого берега’ необходимо связывать реально документированный в чувашском языке, пусть и точно, топоним *Çăваç* (*Çётӑк Çăваç* – историческое название д. Анчиккасы в Цивильском районе Чувашии), привлекавший внимание исследователей чувашского этногенеза начиная с Н.И. Ашмарина¹⁹⁹. Между прочим, данный топоним наглядно доказывает былое существование в чувашском языке апеллятивного *çăваç, а это, в свою очередь, косвенно подтверждает тот сценарий, при котором вариант *çăваши* считается прошедшим через перестройку на иноязычной почве. Г.В. Юсупов указывал также на *Ювас* ~ тат. диал. [*Ж*]уас – название татарской деревни в Заказанье (!)²⁰⁰. Ввиду конечного -с этот татарский топоним с чув. *Çăваç* напрямую не соотносим. Но если сколько-нибудь надежно свидетельство «Списка населенных мест...»²⁰¹ о том, что речка, у которой стоит данная деревня, называлась *Юван* или *Ювась*, то можно допускать перестройку из этого последнего варианта – и в таком случае перед нами важное свидетельство о топонимическом употреблении диалектного татарского обозначения ‘заречья’ ~ ‘заречных’ ровно в том ареале, где целесообразно предполагать расселение исторических *çăваç.

Второй вопрос касается обстоятельств появления термина *чуаши* в татарском языке. Значительную проблему здесь составляет то обстоятельство, что стандартным способом субституции чув. *ç-* (< пратюрк. **j-*) при заимствовании в татарский является *ш-*, ср. упомянутую выше пару чув. *çырма* ‘речка’ > тат. формант гидронимов *-ширма*, а также случаи типа чув. *çёрё* ‘кольцо, цевка’ > тат. *шуре* ‘цевка, шпулька’, чув. *çара* ‘голый’ > тат. *шәрә* с тем же значением, чув. *çёмёрт* ‘черемуха’ > тат. *шомьрт* с тем же значением. Таким образом, данный этноним в любом случае не может относиться к «стандартному» пласту чувашизмов в татарском, а должен от-

ражать заимствование либо другого периода, либо из иного (с точки зрения диалектной фонетики) источника. Здесь мы, конечно, опять вплотную подходим к необходимости постулировать некий *ad hoc* сценарий, чтобы преодолеть формальные этимологические сложности. Однако есть обстоятельство, которое позволяет с определенным оптимизмом смотреть на эту этимологию.

На данный момент можно констатировать, что проблема субституции чувашского слова с консонантным «обрамлением» *ç-ç* как *ч-ш* в татарском не имеет легко доказуемого решения. Однако, как кажется, никем еще не было замечено, что получающееся в случае принятия «заречной» этимологии фонетическое соотношение пратюрк. *j-č > чув. *ç-ç* → тат. *ч-ш* находит абсолютно точную параллель в деталях этимологии другого этнонима, тесно связанного с названием *чувашей* и географически, и хронологически. Выше уже была в общих чертах рассмотрена этимология названия *черемис*; ныне следует добавить к этому рассмотрению то наблюдение, что из вариантов *çармă-ç* (отражаемый в наиболее обособленном северо-западном чувашском диалекте) и *çармă-с* (в прочих чувашских говорах)²⁰² только первый выглядит как правдоподобный источник заимствования для тат. *чирмеш*. Таким образом, здесь имеем следующий сценарий: ранний прототип вида *jermi-č > предковая форма чув. *çармă-ç* → тат. *чирмеш*. Вряд ли совпадение столь нетривиальных фонетических цепочек случайно. В то время как конкретный механизм фонетического усвоения этнонимов *чуаш* и *чирмеш* на татарской почве остается не вполне ясным, можно достаточно уверенно предполагать, что усвоены они были примерно одновременно и, скорее всего, из одного и того же болгаро-чувашского идиома. С точки зрения исторического контекста, по-видимому, можно привязывать появление этих терминов в татарском к событиям, сопровождавшим образование Казанского ханства, что вызвало значительный прилив ордынского кыпчакоязычного населения в регион. Только с Улу Мухаммедом в Среднее Поволжье пришли 3000 татар, что сыграло важную роль в формировании казанско-татарского народа: «...от Златые Орды, от Асторохани, и от Азова, и от Крыма... и укреплятися вместо Золотые Орда Казань – новая Орда»²⁰³. Таким образом, примерно в середине XV в. слова *чуаш* и *чирмеш* могли попасть в татарский. К этому времени вследствие упомянутой выше череды катастроф прежняя идентичность болгароязычных групп уже была в значительной степени подорвана. Ключевое с точки зрения нашего исследования проявление указанного «этнического слома» – принятие татарского слова *чуаш* в качестве самоназвания сохранившимися болгароязычным населением – по-видимому, имело место уже в эпоху Казанского ханства. Оно было обусловлено как указанными неблагоприятными с точки зрения этнокультурной преемственности предпосылками, так и тенденциями собственно казанской эпохи – политическим, экономическим, социальным доминиро-

ванием татарского населения и в особенности процессами перманентной ассимиляции болгароязычного населения среди находившихся в значительно более выгодной социолингвистической ситуации кыпчакоязычных групп. Эти процессы прошли до конца на территории Заказанья, в бассейне Чепцы, а частично и в татарстанском Предволжье. По-видимому, та же судьба ожидала бы и предков современных чувашей, но переселение на Горную сторону (за Свягу) и изоляция от основной массы татарского населения (на левом берегу Волги) прервала ассимиляционные процессы. В реалиях новых мест расселения уже чувашаи оказались ассимилирующим элементом по отношению к местным (пара)марийским группам, и это взаимодействие стало одним из завершающих, но при этом исключительно важных штрихов (с точки зрения этнографии, популяционной генетики и т. д.) в формировании чувашского народа как мы его знаем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Происхождение чувашского народа и его названия остается одним из трудных вопросов в истории Волго-Уралья рубежа Средних веков и Нового времени. Чувашаи одними из последних появляются на страницах исторических источников, но при этом сразу как один из самых многочисленных народов региона. Совокупность письменных данных (зарубежные и русские нарративы, документы и карты) позволяет говорить о том, что этноним *чувашаи* (*чюваша*, *чювашенин* и т. п.) появляется с начала XVI в. еще в эпоху Казанского ханства. Территории, на которых локализуется данное население в XVI–XVII вв., связаны, в частности, с центральными землями Казанского ханства (позднее Казанской земли); это Заказанье (Предкамье) и Нижняя Свяга (позднее – Казанский и Свяжский уезды). По-видимому, переселенцами из этого «ядерного» ареала должны считаться чувашаи, упоминаемые на других территориях – в Вятской земле (по Нижней Чепце) и на Горной стороне (Цивильский, Чебоксарский, Ядринский, Курмышский, Козьмодемьянский, Тетюшский уезды). На чувашскую этноязыковую принадлежность *чювашии* письменных источников указывает не только сам этот этноним (употребление которого в более позднее время четко коррелирует с чувашеязычностью его носителей), но также комплекс топонимических свидетельств, а равно и то обстоятельство, что именно бывшая локализация чувашского с этноязыковой точки зрения населения в Заказанье наиболее удачным образом объясняет факт отражения в языках, этнографических комплексах, антропологии народов Волго-Камского региона теснейших чувашско-марийских, чувашско-бесермянских, чувашско-удмуртских, чувашско-татарских контактов.

Процессы межэтнического смешения и ассимиляции населения на указанных территориях, а также освоения Дикого поля, к XVIII–XIX вв. имели результатом сильно отличную от предыдущего периода картину рас-

селения чувашей (к этому времени сложились три основные субэтнические и несколько этнотерриториальных групп чувашского народа).

Анализ историографии вопроса об этимологии этнонима *чуваши* предполагает рассмотрение семи основных версий происхождения данного названия без откровенно народно-этимологических альтернатив. Анализ географии и хронологии употребления слова *чуваши* в сочетании с лингвистическим анализом данных этимологий и их историко-культурной интерпретацией позволяет, на наш взгляд, остановиться лишь на одной из них как наиболее правдоподобной.

Производность названия чувашей от слова **шуйиш* ‘земледелец’, хотя и была высказана совсем недавно (Д.М. Исхаков) и кажется исторически допустимой, является откровенным фантомом в языковом отношении. Связь названия чувашей с этнонимом *табгач* (Дж. Клосон) выглядит остроумной и в целом практически безупречной с формально-лингвистической точки зрения, но не находит объяснения в исторических источниках и событиях. От подобных откровенно слабых гипотез отказаться было легче всего.

До сих пор находит своих сторонников самая ранняя из рассматриваемых здесь версий происхождения этнонима, связывающая его с **тат. юаши ~ (диал.) жуаши ‘кроткий, тихий, смирный’** (впервые высказана В.А. Сбоевым в XIX в.). Однако с формально-лингвистической точки зрения эта гипотеза едва ли верифицируема; ассоциация между словами *чйваши* и *ййваши* выглядит «прибауточной» по происхождению; попытка В.В. Напольских реабилитировать данную этимологию гипотезой об отражении здесь понятия о «мирных инородцах»-чувашах (противопоставленных «немирным» черемисам-марийцам) наталкивается на семантические трудности (рассматриваемый апеллатив в тюркских языках Поволжья не употребителен при характеристике целых сообществ) и вряд ли может быть обоснована исторически (в целом нет оснований усматривать принципиально различный статус чувашей и марийцев в отношениях с Казанью в ханское время).

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что наиболее влиятельной в науке последнего столетия является **суваро-сувазская** этимология этнонима *чуваши*, которая, однако не выдерживает критики ни с лингвистической, ни с исторической точки зрения. Мало того, что цепочка форм *сувар* ~ *суваз* ~ *суас* ~ *чуваши* не имеет смысла с точки зрения исторической фонетики, сомнительным представляется само существование племени *сувар*, а тем более его длительное сохранение в качестве отдельной общности на территории Волжской Булгарии. Возникшая в эпоху господства марризма в гуманитарных науках в 1920–1930-е гг. и сохранившаяся за счет некорректного чтения одного (!) лишь фрагмента Мешхедской рукописи и еще более спорной его исторической интерпретации, эта гипотеза продолжает играть свою печальную роль в осмыслении этногенеза чувашского народа.

Подробно разбираемый в работе «тюркско-иранский» термин *чауш* «*младший офицер и т. п.» показывает, что требуют более внимательного рассмотрения и высказанные ранее как бы незначай оригинальные этимологии названия *чуаш* (данная этимология была впервые предложена Г.Е. Корниловым); намекает она и на возможность появления в будущем других «неочевидных в своей очевидности» этнонимических гипотез. При кажущейся внешней близости, достаточно широкой распространенности в тюркском мире (начиная с раннего Средневековья) и вполне органично реконструируемых историко-культурных предпосылках, способных связать термин с таким значением и этноним чувашей в реалиях Казанского ханства, данная гипотеза была отвергнута по совокупности фактов. Наиболее важными из них стали, во-первых, отсутствие указанного слова и его рефлексов в языках народов Волго-Уралья в его «доэтнонимическом» значении при заметном влиянии персидского языка (откуда, вероятно, этот термин и проник в большинство других тюркских языков) уже в болгарскую эпоху. Во-вторых, приходится иметь в виду отсутствие указанного слова в средневековых источниках от Волжской Булгарии до Казанского ханства включительно при наличии определенного корпуса данных о социальной терминологии (тителатура и т. п.) в указанных государствах.

В лингвистическом отношении практически все приведенные выше гипотезы имеют ту общую слабость, что они нацеливались на объяснение только чувашского эндоэтнонима *чăваш* (и очевидно связанных с ним тат. *чуаш*, рус. *чуаш*), но не сохранившегося в марийском языке экзоэтнонима *суас* (из более раннего *šowas ≈ *çăvaç). Конечно, можно акцентировать внимание на синхронно отличной семантике данного слова в луговом марийском ('татарин') и/или считать чрезвычайное сходство между этими двумя словами случайным. Однако довольно очевидно, что большей объяснительной силой обладают те этимологии, которые принимают холистический подход и рассматривают эти два названия как исторически и этимологически связанные, несмотря на хорошо известные трудности в их прямом отождествлении. В конце концов фактом, а не только продуктом реконструкции, является документация, пусть и точечная, чувашского топонима *Çăваç* (а топонимика, как известно, тесно связана с этнонимикой). Данный топоним как будто свидетельствует в пользу былого существования нарицательного имени *çăvaç в чувашском языке, а это, в свою очередь, косвенно подтверждает, что имеющее нехарактерную для исконного чувашского вокабуляра фонотактику слово *чăваш*, если является вариантом того же слова, должно было претерпеть перестройку на иноязычной почве (очевидно, татарской, учитывая тат. *чуаш* 'чуваш').

С учетом сказанного наибольшую актуальность имеют две возникшие практически одновременно версии, которые сходятся в реконструкции чув. *çăvaç как первичного варианта этнонима, отражении его в марийском

как *суас* (на что указывал еще Н.И. Ашмарин) и – по не вполне понятному механизму – в татарском как *чуаш*, откуда это обозначение вновь попало к чувашам в качестве эндоэтнонима. Косвенно в пользу данного сценария свидетельствуют фонетическая пропорция в части адаптации консонантизма, связывающая, с одной стороны, татарские этнонимы *чуаш* ‘чуаш’ и *чирмеш* ‘мариец’ и формы их вероятного булгаро-чувашского источника, соотносимые с чув. *çăваç и *çармăç* (последнее название марийцев реально зафиксировано в чувашских диалектах).

Одна из этих версий, предполагающая реконструкцию чув. *çăваç в значении ‘язычник’, бытует в двух вариантах. Первоначальная гипотеза за авторством Н.И. Егорова, основанная на сравнении этого слова с древнетюркским глаголом *jaγ(a)-* ‘приносить жертву’, не может быть принята по собственно лингвистическим соображениям. Ее вариация в исполнении В.Г. Родионова (*çăва-ç* ‘язычник’, т. е. «человек, придерживающийся обряда поминовения предков вблизи кладбищ» < *çăва* ‘кладбище’) с формально-лингвистической точки зрения вполне беспроblemна, но вызывает очень серьезные вопросы в части историко-культурной мотивации такого именования (в целом культ предков и поминовения на кладбищах были характерны для всех народов региона, а предполагаемое принятие слова с буквальным значением ‘кладбищник’ в качестве самоназвания каким-либо народом само по себе выглядит крайне экзотично). Оба указанных варианта «языческой» этимологии наталкиваются на более широкие трудности экстралингвистического порядка. Дело в том, что в целом источники не позволяют говорить о четком конфессиональном разделении булгар с X в. и далее на мусульман и «язычников», а скорее свидетельствуют о разной степени усвоения ислама разными категориями населения и ярких проявлениях феномена *народной религии*.

На этом фоне определенно предпочтительной выглядит еще одна этимология, в основе которой лежит реконструкция первичного чув. *çăваç, на этот раз с семантикой ‘заречные’ < ‘заречье’ (Г.В. Юсупов, М.Р. Федотов, К. Адягаши). Она основана на сравнении с формами типа *joγıç* ~ *joγăç* в других тюркских языках, имеющих значение ‘противоположный берег реки’. В части генезиса чув. *çăваç эта этимология формально безупречна (не может считаться серьезным препятствием несохранение этого слова в чувашском языке, лексика которого в целом подвергалась значительному вымыванию в последние столетия). В части историко-культурного обоснования эта теория также выглядит вполне убедительно, поскольку по источникам мы четко видим миграцию основной части булгарского населения на правый берег исторического Итиля после катастрофических событий второй половины XIV – начала XV в., предшествующих сложению Казанского ханства (в середине XV в.) и первым фиксациям этнонима *чуаш* (в начале XVI в.). При самоидентифи-

фикации среди правобережного населения эти переселенцы могли называть себя *çăваç ‘заречные’, т. е. «прибывшие с другого берега реки» (в этом контексте данный этноним, видимо, и был усвоен новыми соседями-марийцами). На фоне обусловленного указанными событиями подрыва прежней этнической идентичности, уже в варианте, перестроенном на почве нового языка-гегемона (тат. *чуаш*), это обозначение было в конечном счете усвоено болгароязычными группами в качестве самоназвания. Очевидным преимуществом предлагаемой интерпретации выглядит то, что она позволяет синхронизировать решение проблем происхождения этнонима чувашей и самого чувашского народа, локализовать эти события на конкретной территории и датировать их вполне конкретным периодом.

Не вполне ясным остается механизм предполагаемого усвоения / преемственности чув. *çăваç* на татарской почве. Однако косвенно в пользу именно такого сценария говорит то, что в определенных историко-культурных обстоятельствах заимствования этнонимов из болгаро-чувашского в поволжско-кыпчакский имело, по-видимому, системный характер: помимо упомянутого выше *чирмеш* ‘черемис’, ср. также тат. *ар* ‘удмурт’, отражающее, судя по всему, известное по другим языкам региона название того же народа (удм. *уд-мурт*, луг.-мар. *одо*, рус. *отяк*, *вотяк*), но с отражением позднебулгарского / раннечувашского вокализма и с характернейшей чертой волжско-булгарского языка (и чувашского как его продолжения) – так называемым «вторым булгарским ротацизмом» (*d > *r*). Поскольку этот сценарий позволяет удачно связать воедино фактически все известные названия удмуртов, от уже существующей этимологии их тюркского экзоэтнонима, основанной на сближении с тат. *ары* ‘по ту сторону’ (С.К. Белых, В.В. Напольских), видимо, следует отказаться. Впрочем, вполне можно допускать, что на татарской почве *ары* ‘удмурт’ (в притяжательной форме 3-го лица), действительно, осмыслялось народно-этимологически как *ары* ‘та сторона; живущие по ту сторону (реки)’. В таком случае сам факт такой вторичной этимологизации свидетельствует о том, что предпочитаемая нами «заречная» мотивация имени чувашей не является уникальной, а имеет интересную параллель в той же (с географической и хронологической точки зрения) этнонимической системе.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этой связи настораживает набравшее за последние 20 лет в Чувашии некоторую популярность движение *суваров*. Его представители выпускают массу псевдонаучной литературы, создают музеи по всей республике, ставят памятные знаки, организуют мероприятия. Особо активные «суваристы» пропагандируют среди чувашского народа отказ от самоназвания *çăваш* и переименование в *суваров*, отмечают национальность сувар при регистрации брака или рождении ребенка.

² Эта ранняя этимология названия *чуаш* была предложена в анонимном сочинении «Этнографическое описание Казанской губернии», изданном в № 3 «Журнала Министерства внутренних дел» за 1841 г. Благодарим Ю.В. Гусарова за указание на данный источник.

³ См. широкою подборку народно-этимологических версий происхождения этнонима *чуваши* на сайте: URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Чуваши_\(этноним\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Чуваши_(этноним)) (дата обращения: 18.10.2025).

⁴ *Никонов В.А.* Этнонимия // Этнонимы. Москва: Наука, 1970. С. 14.

⁵ *Напольских В.В.* Этнонимика как историко-филологическая дисциплина: общие и конкретные решения, случайность и системность // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22. № 2. С. 27.

⁶ *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях / введение, пер. и коммент. С.А. Аннинского; отв. ред. Б.Д. Греков. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 288 с.

⁷ *Кампензе А.* Письмо Альберта Кампензе к Его Святейшеству Папе Клименту VII о делах Московии. URL: <https://vostlit.info/Texts/rus10/Kampenze/frametext.htm> (дата обращения: 18.10.2025).

⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии: в 2 т. Т. 1 / латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малейна и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. Москва: Памятники исторической мысли, 2008. С. 406–407.

⁹ Написание *Czubaschi* у С. Герберштейна перекликается с материалами Г.Ф. Миллера, который, употребляя этноним в форме *Tschuwaschen*, упоминает крупнейший город Чувашии в варианте *Tschobaschkar*. Выглядит эта форма как контаминация чувашского (*Шупашкар = Šobaškar*) и татарско-русского (*Чабаксар, Чебоксары*) названия города или даже как попытка народной этимологии со стороны собирателя материала: *Tschobasch-* = *чуваши-*, т. е. 'чувашский город'? (см. об этом: *Савельев А.В.* Комментарии к чувашским материалам Г.Ф. Миллера // Российская тюркология. 2023. № 40–41. С. 40). Может быть, и в форме *Czubaschi* отражается контаминация названия чувашей и известного Герберштейну названия Чебоксар (ср. позже написание *Tshubaschi* у Иоанна Милана). Кроме того, требует комментария форма *Sch[fuv]uuii ~ Schvuuij* (в различных латинских изданиях «Записок о Московии» XVI в.) – по Герберштейну, это название места недалеко от Казани, откуда доставляются ценные беличьи шкурки (см.: Записки о Московии. Т. 1. С. 282–283). В русском переводе 1866 г. И. Анонимова это слово не отождествлено с каким-либо иначе известным географическим названием, при этом начиная с перевода А.И. Малейна 1908 г. у интерпретаторов текста Герберштейна здесь принято видеть *Чувашию*. Конечно, в данном случае можно предполагать конъектуру из рукописной формы типа *Schuij и т. п., где фактурная *f* обозначала звук типа *ui* [ʃ] (например, в ранней венгерской орфографии это происходило чуть ли не системно – и это может быть важно, учитывая австрийское происхождение источника). Однако в целом такое отождествление выглядит чуть ли не случайным: здесь обращает на себя внимание и возможность двоякой интерпретации сочетания *Sch-* в позднесредневековой латыни (не только шипящий согласный, но и *Ск-*), и необъяснимое несовпадение с *Czubaschi* как прозрачным обозначением чувашей у Герберштейна, и явно анахронистичный, не имеющий параллелей характер документации понятия *Чувашия* (как территория) в столь раннем источнике. В общем представляется целесообразным считать название *Sch[fuv]uuii ~ Schvuuij* у Герберштейна пока неинтерпретируемым. Благодарим В.В. Напольских и А.С. Сараева за плодотворное обсуждение этой проблемы.

¹⁰ Английские путешественники о Московском государстве в XVI веке. Москва: Соцэкгиз, 1938. 315 с. / пер. с англ. Ю.В. Готье. С. 169; *Флетчер Дж.* О государстве Русском. Санкт-Петербург: Изд-е А.С. Суворина, 1906. С. 88.

¹¹ *Гваньини А.* Описание Московии / пер. с латин., введ. ст. и коммент. Г.Г. Козловой. Москва: Греко-латин. кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. С. 23, 54–57.

¹² *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / введение, пер., примеч. и указатель А.М. Ловягина. Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1906. С. 364–366.

¹³ Здесь этноним чувашей приведен в ожидаемой для голландца Витсена орфографии, предполагающей нижненемецкое/голландское обозначение гласного у [u] при помощи сочетания *oe*.

¹⁴ *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. 2 / пер. с гол. В.Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н.П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 906, 1114.

¹⁵ *Стрейс Я.* Три путешествия / пер. Э. Бородиной. Москва: Соцэкгиз, 1935. С. 182–184.

¹⁶ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Ч. 1. Саранск: МНИИЯЛИ, 1940. С. 188–189.

¹⁷ Бруин К. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев / подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Лимонова. Ленинград: Лениздат, 1989. С. 147.

¹⁸ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII веков. Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1904. С. 205.

¹⁹ Димитриев В.Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII веков // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. 27. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. С. 123.

²⁰ Лызлов А.И. Скифская история. Москва: Наука, 1990. С. 56–57.

²¹ Чуваши в Казанской истории упомянуты лишь в одной из редакций единственный раз, что совпадает с цитатой из Степенной книги. См.: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. С. 392; ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. Книга степенная царского родословия. Ч. 2. Санкт-Петербург: Тип. М.А. Александрова, 1913. С. 604.

²² Казанская история / подготовка текста, вступ. статья и примеч. Г.Н. Моисеевой; под ред. В.А. Адриановой-Перетц. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954. С. 48, 86.

²³ Там же. С. 44, 48, 53.

²⁴ Сведения о чувашах в основном содержатся в составленном в 1553–1555 гг. «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», содержание которого вошло в последующие летописные сочинения.

²⁵ ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Петроград: 2-я Гос. тип., 1921. С. 218.

²⁶ В Лаврентьевской летописи чуваши упомянуты только 10 раз, см.: ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. С. 44, 164, 167, 200, 363, 466–468, 497.

²⁷ Там же. С. 44.

²⁸ Там же. С. 167; ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. Книга степенная царского родословия. Ч. 2. С. 641.

²⁹ ПСРЛ. Т. 20. Вторая половина. Львовская летопись. Ч. 2. Санкт-Петербург: Тип. М.А. Александрова, 1914. С. 483.

³⁰ Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Фэн; АН РТ, 2010. С. 142–143.

³¹ Удмурты в XV–XVII веках. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Луппов. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. С. 349–350.

³² Там же. С. 351.

³³ Тепляшина Т.И. О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. 40: История, этнография, социология. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1968. С. 179–181.

³⁴ Там же. С. 181.

³⁵ Напольских В.В. Удмуртская *акашка* ~ бесермянская *акашка* и позднесредневековая этническая история Нижнего Прикамья // Этнография. № 4 (14). 2021. С. 37–54.

³⁶ В пользу чувашской этноязыковой принадлежности *чувашей* документов из бассейна Чепцы свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, в целом на протяжении письменной истории Волго-Камского региона наблюдается тесная увязка между носителями этнонима *чуваши* и носителями чувашского языка. Нам практически неизвестны свидетельства существования групп, именуемых чувашиами и не являющихся таковыми в лингвистическом смысле (об одном исключении будет сказано ниже). Во-вторых, на контакт с диалектом чепецких чувашей может указывать наличие сепаратных чувашских заимствований в южных коми-зырянских диалектах, ср. очень яркий – в части отражения достаточной поздней и характерно чувашской фонетики на фоне узлокальной дистрибуции в коми – случай коми диал. (лузско-летские и нижневьегодские говоры) *кб́рша* в составе *син-кб́рша* 'бровь' (*син* 'глаз') ← чув. *харша* в составе *ку́с хариш* 'бровь' (*ку́с* 'глаз'); на этом фоне ср. удм. *син-каш* 'бровь', где вторая часть заимствована из тат. *каш* 'тж.'. Данное сравнение предложено в работе: Федюнева Г.В. К вопросу о булгарско-пермских взаимоотношениях и их интерпретации по данным

лексики // Вопросы уралистики 2014. Научный Альманах. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. С. 126. Заметим, впрочем, что большинство остальных предлагаемых в той же работе сепаратных чувашизмов у южных зырян выглядит достаточно бесперспективно. В-третьих, существуют лингвистические основания, позволяющие говорить о вероятном чувашском субстрате в диалекте чепецких (нукратских, каринских) татар. Сам этот диалект документирован достаточно плохо, но одной из наиболее своеобразных среди описанных его черт является употребление *-м* в конце слова в соответствии с *-н* других татарских диалектов (*Бурганова Н.Б.* *Говор каринских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии.* Казань: Татар. кн. изд-во, 1962. Вып. 2. С. 27). Как известно, появление *-м* в соответствии с *-н* других тюркских языков является характернейшей особенностью болгарской ветви и чувашского языка в частности. (Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. Москва: Наука, 2006. С. 44–48). Очень показательны, что еще одним татарским идиомом, для которого у Н.Б. Бургановой указана та же особенность, является говор молькеевских крышен из пограничного с Чувашией Кайбицкого района Татарстана, формирование которых на чувашском субстрате не вызывает сомнений. В целом можно предполагать, что исчезновение чепецких чувашей связано с ассимиляцией их соседями-татарами. Заметим в связи с этим, что еще Т.И. Тепляшиной была сформулирована гипотеза происхождения бесермян, предполагающая их сложение в результате ассимиляции болгаро-чувашских групп удмуртоговорящим населением (*Тепляшина Т.И.* *Язык бесермян.* Москва: Наука, 1970. С. 243). Однако, как было впоследствии показано, по крайней мере, лингвистические аргументы для выделения в бесермянском наречии чувашского субстрата отсутствуют (см.: *Кельмаков В.К.* К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа: БФАН СССР, 1985. С. 114–122 и другие работы В.К. Кельмакова 1980-х – 1990-х гг.; *Иорисов Р.И.* Тюркские заимствования разных периодов в бесермянском диалекте удмуртского языка. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. 97 с.). В целом представляется, что как языковые (точнее, лексические), так и внеязыковые параллели между бесермянами и чувашами вполне могли возникнуть и в результате тесного сосуществования (т. е. адстратных, а не субстратных отношений). В заключение обсуждения судьбы чепецких чувашей скажем, что и с точки зрения реконструируемого «социолингвистического веса» различных народов Поволжья в позднесредневековое время переход чувашей на татарский язык выглядит гораздо более ожидаемым, чем переход на удмуртский. См. некоторые подробности в статье: *Савельев А.В.* О критериях выявления и стратификации болгаро-чувашских заимствований в пермских языках II // Вопросы языкового родства. 2026. В печати.

³⁷ *Каховский В.Ф.* Этноним «чуваш» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. С. 85; *Димитриев В.Д.* О последнем этапе этногенеза чувашей // Болгары и чуваш. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1984. С. 40, 42; *Его же.* Сведения о чувашских землях, селениях и крестьянах в Свяжских писцовых книгах 1565–1567 // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1989. С. 3–16; *Иванов В.П.* Проблема «ясачных чувашей» как отражение многовекторности болгаро-чувашской этногенетической преемственности // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Вып. 4. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVI – начало XVIII вв.)» и круглого стола «Понятия «чюваш» и «ясачная чюваш» в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты» (Казань, 6 декабря 2013 г.), проведенного в рамках данной конференции. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Яз, 2014. С. 227; *Егоров Н.И.* Еще раз о казанских ясачных чувашах // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 64, 70.

³⁸ *Охотникова С.В.* «Ясачные чуваш»: некоторые итоги и задачи изучения / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2014. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 16); *Ее же.* Проблема «ясачных чувашей» в современной российской историографии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. № 6. С. 94–109.

³⁹ *Мясников Н.С., Березина Н.С.* Некоторые узловые проблемы средневековой истории чувашей и казанских татар в свете данных археологии // Татары и чуваш — ветви одного древа: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, Казань,

7–8 октября 2021 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; ЧГИГН. Казань; Чебоксары: Новое Время, 2021. С. 58.

⁴⁰ *Напольских В.В.* Удмуртская *акашка* ~ бесермянская *акашка* и позднесредневековая этническая история Нижнего Прикамья; *Савельев А.В.* О критериях выявления и стратификации болгаро-чувашских заимствований в пермских языках П.

⁴¹ *Димитриев В.Д.* О последнем этапе этногенеза чувашей. С. 40–42.

⁴² Не выдерживает критики популярная у представителей татарской научной школы точка зрения, согласно которой *ясачная чюваши* представляла собой крестьянское сословие татарского народа, т. е. для этого населения постулируется уже изначально татарская этноязыковая принадлежность. При этом остается без ответа вопрос о том, почему же данный «соционим» в итоге стал этнонимом чувашского народа. Помимо приведенных топонимических и контактных аргументов в пользу присутствия значительного чувашского этноязыкового компонента в Заказанье, следует опять же (см. выше комментарий к ситуации с чепецкими чувашами) обратить внимание на исключительно стабильную на протяжении письменной истории Волго-Камского региона привязку носителей этнонима *чуваши* к носителям чувашского языка и наоборот. Нам известно только одно явное свидетельство о существовании группы, именуемой чувашами и не являющейся таковой в лингвистическом смысле – молькеевские (подберезинские) крышены, в среде которых в течение XIX в. неоднократно фиксировалось самоназвание *чуваши* (История и культура татар-крышен (XVI–XX вв.): коллективная монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 225–226). Однако языковые, исторические, этнографические свидетельства об этой группе крышен однозначно указывают на то, что они являются достаточно недавно перешедшими на татарский язык чувашами. Таким образом, их случай лишь подтверждает наш вывод: если и был такой период, когда одни и те же группы населения Заказанья назывались чувашами и были при этом татароговорящими, то связано это может быть исключительно с инерцией письменных источников (вполне вероятно, отражающих и инерцию идентичности) после перехода местных чувашей на татарский язык.

⁴³ Отметим попутно очевидно чувашское по происхождению название этой деревни (восходит к гидрониму с формантом *-ширма*, о котором говорилось выше).

⁴⁴ Цит. по: *Каховский В.Ф.* Этноним «чуваши» в письменных источниках. С. 85–88.

⁴⁵ См. подробнее: *Чибис А.А.* К вопросу о «горной черемисе» в Чувашии в XVI – начале XVIII века // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 1. С. 77–93.

⁴⁶ *Курбский А.* История о делах великого князя московского. Москва: Наука, 2015. С. 32.

⁴⁷ Там же. С. 62.

⁴⁸ Там же. С. 32.

⁴⁹ *Свечников С.К.* Марийско-чувашские этнические контакты в XVI–XVII вв. // Мари и чуваш: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (с. Красный Яр Звениговского муниципального района Республики Марий Эл, 22 сентября 2023 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Эрцикова; МарНИИЯЛИ; ЧГИГН. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2023. С. 80.

⁵⁰ *Курбский А.* История о делах великого князя московского. С. 64.

⁵¹ *Димитриев В.Д.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII века.

⁵² *Чибис А.А.* К вопросу о «горной черемисе» в Чувашии в XVI – начале XVIII века. С. 90.

⁵³ *Димитриев В.Д.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII века. С. 129–130; *Чибис А.А.* К вопросу о «горной черемисе» в Чувашии в XVI – начале XVIII века. С. 85.

⁵⁴ Вслед за С.К. Свечниковым (Марийско-чувашские этнические контакты в XVI–XVII вв. С. 77) следует отметить случаи использования марийского эндоэтнонима *мары* ~ *марий* в отношении чувашей (горн.-мар. *суасла мары*, диал. *жок-мары*, луг.-мар. диал. *кук-марий*), а также бытовавшие еще в XIX в. шуточные («черемисское отродье») или вполне нейтральные (*сармӱсла чӱвашем* ‘чувашин на марийский ряд’) обозначения верховых и в особенности северо-западных (малокарачкнских) чувашей со стороны низовых.

⁵⁵ *Чибис А.А.* К вопросу о «горной черемисе» в Чувашии в XVI – начале XVIII века. С. 79–80.

⁵⁶ См. Мясников Н.С. О выделении памятников Большаянгильдинского культурно-хронологического горизонта на русско-ордынском пограничье // Славяно-тюркский мир: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 24–26 июня 2024 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 73–80. Некоторую проблему в связи с предлагаемой датировкой заселения Чуваши чувашами составляет фиксация гидронима *Кулшолсюрма* в Посурье уже в грамоте от 1399 г. (Димитриев В.Д. О значении этнонима «черемись» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII веков. С. 127). Чувашское происхождение данного гидронима не вызывает сомнений, ср. чув. *кӱллӗ сьрма* букв. ‘озерная речка’ и, например, название деревни (чув.) *Кӱлсӱрма* = (рус.) *Кюль-Сурма* в Красноармейском районе Чувашии. Указанная грамота была представлена в списке в судебном деле 1621–1622 гг. между Нижегородским Благовещенским монастырем и черемисами Ядринского уезда. При этом в ней есть явные анахронизмы: упоминание Курмышского уезда под 1399 г. и патриарха Московского Иова (Иова?) (1589–1605), который приложил к списку печать (Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 3. С. 110). Сам В.Д. Димитриев (Там же) допускал возможность подделки данной грамоты. Подобная практика в судебных тяжбах по земельным вопросам была достаточно распространенной [Введенский А. Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII веков // Проблемы источниковедения. Москва: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1933. С. 85–109. (Труды Историко-археографического института. Сб. 1: 1933)].

⁵⁷ Эта преемственность впервые последовательно обоснована в работе: Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. Казань: Типолит. Императ. Казан. ун-та, 1902. См. также недавний обзор в: Savelyev A. Chuvash and the Bulgharic languages // Robbeets M. & Savelyev A. (eds), The Oxford Guide to the Transeurasian Languages. Oxford, UK: Oxford University Press, 2020. Pp. 447–449.

⁵⁸ Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению: сборник статей, посвященный 75-летию профессора С.Н. Валка. Москва; Ленинград: Наука, 1964. Вып. 7. С. 50–57. (Труды Ленинградского отделения Института истории).

⁵⁹ Надо оговориться, что, в отличие от западных и русских источников, до сих пор остаются практически неизвестными исследователям ранние упоминания чувашей в восточных (мусульманских) источниках, что обусловлено, в первую очередь, чрезвычайно скудным числом сохранившихся документов Казанского ханства и большинства других постордынских государств. Исключением здесь является письмо 1635 г. от татар Поволжья, конечным адресатом которого был турецкий султан, см.: Kurat A.N. Türkiye ve İdil boyu (1569 Astarhan seferi, Ten İdil kanalı ve XVI–XVII yüzyıl Osmanlı-Rus münasebetleri). Ankara, 1966. S. 57–58; Исхаков Д.М. Об одном послании из Поволжья в Крымское ханство 1635 г. // Крымское историческое обозрение. 2014. № 2. С. 50–62. В этом письме упоминаются, среди прочих, *طاوجوشا tau chuashy* – т. е. *горные чуваша*, платившие в 1630-х гг. ясак деньгами, а также шкурками белки, лисы и горностая от 20 тысяч домов.

⁶⁰ Сбоев В.А. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях: их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. Москва: Тип. С. Орлова, 1865. С. 184.

⁶¹ Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь: сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1875. С. 14.

⁶² Отметим, что восстанавливать только на этом основании для этнонима *кытчак* прототипическое значение типа ‘*вспыльчивый’ едва ли возможно. В карахандиско-уйгурской поэме «Кутаду Билиг» слово *qivçaq* употребляется в значении ‘неудачливый, злополучный, злосчастный, несчастный’ (Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969. С. 449). Предполагается, что это слово является производным от основы *qiv* ‘счастье’ (Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // *Turcologica*, 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. Ленинград, 1986. С. 160–161; Golden P. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. București–Brăila, 2011. P. 318), хотя Дж. Клосон справедливо указывал на неясность словообразовательной модели в таком случае (“fr<om> kiv, but the meaning ‘unfortunate’ hardly fits”, см. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: At the Clarendon Press, 1972. P. 581).

⁶³ *Nemeth G. A Honfoglaló Magyarság Kialakulása. Budapest: Hornyánszky Viktor R.–T. M. K. Udv. Könyvnyomda, 1930: 35–36.*

⁶⁴ *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс, 1987. Т. IV. С. 376.*

⁶⁵ *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen. Helsinki: Suomalaisugrilainen Seura, 1969. S. 175.*

⁶⁶ См. формы в дочерних языках в *Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen. S. 175*; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й” / отв. ред. Л.С. Левитская. Москва: Наука, 1989. С. 51–53; *Starostin S.A., Dybo A.V. & Mudrak O.A. Etymological dictionary of Altaic languages. Leiden: Brill, 2003. P. 1531.*

⁶⁷ Возведение гипотетического чув. *çävaui к праторк. *jabalə допустимо исходя из подтверждаемого целым рядом примеров правила О.А. Мудрака об исключениях из «булгарского ламбдаизма», что постулирует постулирование развития праторк. *l > булг. *š в позиции перед гласным. Реконструкция особого гласного *-ə в ауслaute некоторых праторкских основ (впервые предложена также О.А. Мудраком) необходима, в первую очередь, ввиду многочисленности явно исконных параллелей, где узкотюркской основе вида (C)VC(C) соответствует чувашская основа вида (C)VC(C)Ə. Кроме того, реконструкция конечного *-ə позволяет объяснить случаи, где чувашский неожиданно сохраняет *k, *q в исходе неоднословной основы (в случаях «подлинного» ауслата они отпадают). См. об этом: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Праторкский язык-основа. Картина мира праторкского этноса по данным языка. С. 27–28, 48–56. Теоретически возможно обсуждать также третий вариант реконструкции: праторк. *jabalč > чув. *çävaç, основанный на соответствии узкотюрк. *š ~ чув. ç (< праторк. *lč, см. об этом: Там же. С. 29–32), однако фактически этот вариант очень маловероятен и не должен учитываться всерьез ввиду крайней нетипичности структуры гипотетического праторкского слова. Ср. отсутствие в праторкском лексиконе других двусловных именных основ с исходом на *-*Alč*; есть только однословные случаи типа *balč ‘голова’, в то время как в исходе двусловных основ *-*lč* всегда выступает в составе аффикса после узкого гласного, ср. *je-milč ‘плод’, *ur-ulč ‘битва’ и т. п.

⁶⁸ *Agyagási K. Chuvash Historical Phonetics: An Areal Linguistic Study with an Appendix on the Role of Proto-Mari in the History of Chuvash Vocalism. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. P. 176.*

⁶⁹ Касаясь традиционной этимологии названия *черемис* (чув. *çarmăç*, диал. СЗ *çarmăç*, тат. *çirmеш*, др.-рус. *çeremisъ), возводящей это слово к какому-то продолжению праторк. *çerig ‘войско’ (кыпч. *çeriw > тат. *çирү*, диал. *çиреү*; булг. *çerig > чув. *çарă*), отметим ее явную непроработанность с формальной точки зрения. Ключевая проблема здесь в том, что тюркским языкам совершенно неизвестен отыменной аффикс, который мог бы отражаться в чув. *-*măç* ~ *-*măç*, тат. *-меш*, др.-рус. *-*misъ*. На этом фоне следует серьезно отнестись к сходству чув. *çarmă-ç* ~ *çarmă-ç* и чув. (диал.) *çarmă-к* при литер. (вторично по метатезе) *çarmă-к* ‘молодой, юноша’ (впервые отмечено, по-видимому, в работе: *Мудрак О.А.* Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // *Хазарский альманах. Т. 14. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 367*). Булгарский прототип основы вида *çerim далее следует сравнивать с монг. *zërme-gej ‘юноша’; подтверждается облик ранней булгарской формы и заимствованием в венгерский (*gyerm-ek* ‘ребёнок’). Развивая эту этимологию, заметим, что с точки зрения словообразовательных моделей выделение в чувашском эквиваленте названия черемис основы **çarmă-* беспроблемно. Вариант *çarmăç* в наиболее обособленном северо-западном чувашском диалекте не выводится из *çarmăç* в остальных чувашских говорах, а равно и наоборот; никаким регулярным фонетическим законом эти формы не связаны, так что вполне оправдано видеть в исходе этих слов суффиксы. Исход формы *çarmă-ç* может быть отождествлен с булгарским аффиксом собирательных имен *-*ç* (сохраняется в чувашском как показатель собирательных числительных: *икĕ* ‘два’ > *ик-с-ĕм-ĕр* ‘мы двое’, *виçĕ* ‘три’ > *виç-с-ĕр* ‘вы трое’ и т. д.). Что же касается аффикса в варианте *çarmă-ç*, то его уместно отождествлять с отыменным тюркским *-*č* > чув. -*ç* в значении либо десемантизированного диминутива, либо симилитива – т. е. это ‘удальцы, бравые ребята’; ср. ареально-типологически рус. *молодой* > *молодец* ‘удалец, храбрец’ (см. похожую реконструкцию семантики и у О.А. Мудра-

ка). Добавим, что с точки зрения ареальной системы этнонимических моделей предлагаемая этимология имени *черемис* находила бы замечательную параллель в самоназвании марийцев *mārē, заимствованном из некоторого рефлекса индоир. **mārya-* 'юноша-воин' (о реконструкции самоназвания марийцев см.: *Напольских В.В., Савельев А.В.* Мари, меря, мурома – история этнонимов и реконструкция языков субстратной топонимии // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 21–23; об этимологии этого этнонима: *Напольских В.В.* К иранской этимологии этнонимов *мари, меря, мурома* // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 1. С. 9–26). Следует, однако, оговориться, что мы не считаем правдоподобным предположение о том, что слово *черемис* изначально употреблялось по отношению именно к марийскоговорящим группам. Булгарское происхождение этого этнонима не вызывает сомнений; при этом тот факт, что в современном татарском и чувашском языках он используется для обозначения марийцев (см. использование его в качестве обоснования исконности «марийско-черемисской» привязки в: *Напольских В.В.* Очерки по этнической истории. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань: Изд-во Академии наук Респ. Татарстан, 2018. С. 66), отражает скорее ситуацию послемонгольского времени, поскольку именно тогда (как будет показано в том числе и ниже в настоящей статье) происходило формирование известной по более поздним источникам системы этнонимов у народов Волго-Камского региона. Между тем первое упоминание слова *черемис* в письме хазарского кагана Иосифа в X в. однозначно указывает его на бытование в домонгольскую эпоху, при этом никакого специального указания на марийскую этноязыковую принадлежность черемисов этот источник, как известно, не содержит. В большинстве предшествующих исследований упускался из внимания тот, как представляется, важнейший факт, что данный этноним отражается далеко не только на северо-западной периферии Волжской Булгарии, но и в юго-восточной ее части, ср. название крупного притока Волги, протекающего по территории Татарстана, Самарской и Ульяновской областей: чув. *Ҷарымсан* (< *Ҷармйсан), тат. *Чирмешән*. У Ибн Фадлана в начале X в. эта река называется *جرمسان* *j-r-m-sān* (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1939. С. 184), а в Воскресенской летописи под 1184 г. при описании похода Всеволода Большое Гнездо на Великий Город (т. е. Биляр, стоящий у Малого Черемшана) отражена форма *Черемисань* (современное рус. *Черемшан* следует объяснять народно-этимологическим сближением с *черемша* 'дикий лук' и/или интерференцией с татарским названием). О былом присутствии марийского элемента в бассейне Черемшана ни археологическим, ни топонимическим источникам ничего не известно. Представляется логичным предположить, что изначально волжско-булгарское *žermi-s (~ *žermi-č) использовалось как обозначение военизированных (и наверняка разнородных в этноязыковом отношении) групп населения Волжской Булгарии, размещавшихся по преимуществу на периферийных территориях и выполнявших функции пограничного контроля (ср. типологически полисемию 'холостой, неженатый человек' ~ 'казак' у тат. *казак*, чув. *хусах* и т. п.). По-видимому, после падения Волжской Булгарии юго-восточные *žermi-s, с именем которых связан гидроним, исчезли, а значительное присутствие марийского этноязыкового компонента среди северо-западных *žermi-s обусловило закрепление этого слова как чувашско-татарского экзотонима марийцев.

⁷⁰ *Напольских В.В.* Очерки по этнической истории. С. 66, 78.

⁷¹ В.В. Напольских прояснил детали своей концепции о противопоставлении этнонимов *чуваши* и *черемис* в отзыве на раннюю версию настоящего исследования, за что мы выражаем ему глубокую признательность.

⁷² *Напольских В.В.* Очерки по этнической истории. С. 81.

⁷³ Согласно В.В. Напольских (Там же. С. 79), на то, что уже в булгарское время марийцы находились в статусе федератов по отношению к центральной власти и не облагались податью *хардж*, указывает предполагаемое заимствование данного слова из булгарского в марийский в значении, совершенно не связанном, ср. луг.-мар. *арыше*, горн.-мар. *ăršiwš* 'должник'. Однако же ни по предполагаемым субституциям, ни по внутренней форме данное слово не может иметь к араб. *ḥarj* (→ чув. *хырçă* ~ *хырçă* → удм. *кӱрсь* 'тж.') никакого отношения. В действительности это регулярное активное причастие (мар. *ārə-šə) от хорошо документированного глагола **ārə-* 'брать в долг'.

⁷⁴ Ср.: «Такая этимология скорее всего зиждется лишь на ходячей поговорке *чйваш – ййваш* 'чуваши – смиренный'» (*Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвистике и этнической истории чувашского народа. Т. 2. Чебоксары: Новое Время, 2017. С. 346).

⁷⁵ *Напольских В.В.* Очерки по этнической истории. С. 78.

⁷⁶ *Сараев А.С.* Чуваши и финно-угры: о новых попытках интерпретации средневековых источников и данных лингвистики // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 60–63.

⁷⁷ Подчеркнем еще раз, что, согласно В.В. Напольских, указанная оппозиция была обусловлена именно разной степенью подчиненности чувашей и марийцев центральной власти в Волго-Камском регионе, хотя, поскольку в публикации этот момент не вполне эксплицирован, при буквальном толковании идеи о «мирном» и «воинственном» народах можно считать, что речь идет, по крайней мере отчасти, о степени их военизированности (так понял этот момент и А.С. Сараев, см.: *Сараев А.С.* Чуваши и финно-угры: о новых попытках интерпретации средневековых источников и данных лингвистики. С. 63–64). Тем не менее во избежание спекуляций по этому поводу со стороны будущих исследователей считаем необходимым отметить, что ни для домонгольского, ни для послемонгольского времени оснований предполагать такую оппозицию нет. Что касается X–XIII вв., современный уровень археологической изученности Чувашско-Марийского Поволжья не позволяет говорить о проживании, соответственно, на правом (финно-угорский – в первую очередь, парамарийский – компонент среди предков чувашей) и левом (собственно марийцы) берегу Волги принципиально отличающегося по уровню вооруженности населения. Археологические данные по марийцам (могильники IX–XIII вв.) не позволяют выделить из общей массы мужских погребений какие-либо дружинные или княжеские захоронения (*Архинов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1973. 196 с.; *Его же.* Марийцы XII–XIII веков. К этнокультурной истории Поволжья. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1986. 114 с.; *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху Средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 430 с.). Новые исследования некрополей IX–XI/XII вв. по чувашскому течению Волги (Анаткасы, Девлетгильдино, Амакары, «Чебоксарский городок») позволяют говорить о близком в культурном отношении населении. Что касается более поздней эпохи, в частности казанского времени, то и здесь вряд ли можно говорить о четком противопоставлении «мирных» чувашей и «воинственных» марийцев. Хотя марийцы в этот период находились на стадии своеобразной военной демократии и действительно отличались повышенной воинственностью (*Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийск. полигр.-изд. комб., 1998. С. 176), чувашаи в составе ханства были, по-видимому, наиболее многочисленным народом и составляли основную часть татарского войска (*Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары: НАНИ, 2001. С. 34, 36). Выше уже приводилась цитата из С. Герберштейна (XVI в.), который одинаково характеризовал чувашей и черемисов как «искусных стрелков», а чувашей – еще и как знатоков судоходства. В целом военное дело обоих народов в XVI–XVII вв. было близким по уровню развития, схожими были состав вооружения и доля служилых людей (*Плюшин Б.А.* Очерк военного дела и военной истории мордвы, марийцев и чувашей в составе Российского государства XVI–XVII веков. Новосибирск: НГУ, 2021. С. 53, 103, 184).

⁷⁸ *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь. С. 245.

⁷⁹ *Ашмарин Н.И.* Болгары и чувашаи. С. 45–51, 132.

⁸⁰ *Сараев А.С.* Кого встретил Ибн Фадлан в ставке болгарского правителя в 922? (к истории обнаружения и интерпретации названия «суварь/суваз» в тексте «Записки» Ахмеда ибн Фадлана) // История народов России в исследованиях и документах. Москва: Ин-т рос. истории РАН, 2023. С. 355–357.

⁸¹ *Март Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге: [доклад, прочитанный 30 июня 1925 г. в Чебоксарах на объединенном заседании IV сессии Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской ССР V созыва с участием членов Общества изучения местного края, членов РКП(б) и членов профсоюзов и повторно 26 сентября в Российской академии истории материальной культуры]. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1926. С. 10, 15, 70–71.

⁸² *Худяков М.Г.* К вопросу о происхождении чуваш // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1927. № 4. С. 139.

- ⁸³ Ковалевский А.П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана // Ученые записки ЧНИИЯЛИ. Вып. IX. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954. С. 49–51.
- ⁸⁴ Там же. С. 21–27.
- ⁸⁵ Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954. С. 19–20.
- ⁸⁶ Егоров Н.И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. С. 350–351.
- ⁸⁷ Димитриев В.Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 97.
- ⁸⁸ Каховский В.Ф. Этноним «чуваши» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. С. 77–78.
- ⁸⁹ Иванов В.П. Теории происхождения и этапы этнической истории (до середины XVI в. // Чуваши. Москва: Наука, 2017. (Народы культуры). С. 20–21; Чуваши // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/4688182> (дата обращения: 18.10.2025).
- ⁹⁰ Сараев А.С. Проблема идентификации Суvara в средневековых арабографичных источниках. Рукопись, готовящаяся к публикации.
- ⁹¹ Ковалевский А.П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн Фадлана. С. 51; Сараев А.С. Кого встретил Ибн Фадлан в ставке болгарского правителя в 922? С. 354.
- ⁹² Егоров Н.И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. С. 362.
- ⁹³ Ахмаров Г. Экскурсия на место древнего Суvara // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОАиЭ). 1893. Т. XI. Вып. 5. С. 478.
- ⁹⁴ Сараев А.С. Свидетелем чего стал Ахмед ибн Фадлан в ставке Булгарского правителя в 922 г.? // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Вып. XXXIII. Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений / отв. ред. Е.А. Мельникова. Москва, 2021. С. 242–248.
- ⁹⁵ Сараев А.С. Кого встретил Ибн Фадлан в ставке болгарского правителя в 922? С. 358.
- ⁹⁶ Там же. С. 357.
- ⁹⁷ Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 111: Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4. Москва: Наука, 1962. С. 191–192, 194, 196.
- ⁹⁸ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. С. 97–98; Гоглов С.А., Големихов А.В. О монетном чекане Волжской Булгарии X в. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Т. 3. Спецвыпуск «Русь Домонгольская». Москва, 2017. С. 53.
- ⁹⁹ Руденко К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV вв. по археологическим данным: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.06. Казань, 2004. С. 250–261.
- ¹⁰⁰ Руденко К.А. Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 330.
- ¹⁰¹ Руденко К.А. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 1. Кишинев: Stratum Plus, 2015. Рис. 30; Его же. Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам). Рис. 30; Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. С. 20–44. (Археология евразийских степей. Вып. 6).
- ¹⁰² Руденко К.А. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды). С. 287.
- ¹⁰³ Сараев А.С. Проблема идентификации Суvara в средневековых арабографичных источниках.
- ¹⁰⁴ Clauson G. The earliest Turkish loan words in Mongolian // Central Asiatic Journal. Vol. 4. No. 3 (1959). Pp. 186–187.

¹⁰⁵ Ср., впрочем: *Vovin A.* Once Again on the Tabghach Language // *Mongolian Studies* XXIX (2007). P. 191.

¹⁰⁶ Как известно, регулярным рефлексом праторкского *č является чув. *ç*, однако случаи неожиданного появления вместо него *-ш* в позиции конца слова хорошо известны. Помимо указанного Дж. Клосоном примера узкотюрк. *ič* ~ чув. *йи* ‘внутренняя часть’, добавим и более релевантный для нашей темы случай в двусложной основе: узкотюрк. *artuč* ~ чув. *уртәи* ‘можжеватель’.

¹⁰⁷ *Clauson G.* The earliest Turkish loan words in Mongolian. Pp. 186–187.

¹⁰⁸ *Vovin A.* Once Again on the Tabgāc language // *Mongolian Studies* XXIX (2007): 191–206; *Janhunen J.* Manchuria: An ethnic history. Helsinki: The Finno-Ugrian Society, 1996. Pp. 190–191.

¹⁰⁹ *Корнилов Г.Е.* Евразийские лексические параллели. Ч. 1. К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей. Чебоксары: ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 1973. 297 с.

¹¹⁰ *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. Москва: Наука, 2008. С. 63, 122; *Войтов В.Е.* Тюрки рода Ашина: Генеалогия. Хронология. История. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. С. 317–329, 411, 503, 578, 597–598, 753.

¹¹¹ *Махмуд ал-Кашгар.* Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). Т. 1 / пер. с араб. А.Р. Рустамова; под ред. И.В. Кормушина; прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова; Ин-т востоковедения РАН; Ин-т языкознания РАН. Москва: Вост. лит., 2010. С. 307.

¹¹² *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. S. 101.

¹¹³ *Кубатин А.В.* Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг // Урало-алтайские исследования. 2014. № 3 (14). С. 12.

¹¹⁴ *Yüsoft Ğ.-H.* ÇAVOŞ // *Encyclopaedia Iranica*. Published December 15, 1990. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/cavos-or-cavus-originally-turkish-word-kasgari-i-p/> (дата обращения: 18.10.2025).

¹¹⁵ *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Band III: Türkische Elemente im Neupersischen: unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden, 1967. S. 35–38.

¹¹⁶ *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. S. 101; *Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М.* Древнетюркский словарь. С. 142; *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. P. 399.

¹¹⁷ Собственно, современные иранисты явно склоняются к версии тюркского происхождения персидского слова, ср. формулировки в специальной статье *Yüsoft Ğ.-H.* ÇAVOŞ, а также в персидском этимологическом словаре *Hassandoust M.* Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi, 1393 [2014]. J. 2: 995.

¹¹⁸ Данная этимология принята, например, в статье *Köprülü O.* ÇAVUŞ // *TDV İslâm Ansiklopedisi*. 1993: 236–238.

¹¹⁹ *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. S. 93.

¹²⁰ Там же. S. 101.

¹²¹ *Starostin S.A., Dybo A.V. & Mudrak O.A.* 2003. Etymological dictionary of Altaic languages. Pp. 406–407.

¹²² *Лившиц В.А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. С. 96.

¹²³ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 74–76.

¹²⁴ К этому можно добавить яркий пример военного использования чувашей в ханстве, отраженный в Ремезовской летописи (конец XVII в.): «Во второе лето ехавъ Кучюмъ в Казань и дочь Казанского царя Мурата взять въ жену и с нею многихъ Чювашъ и абызь и рускаго полуно людей и приехавъ на Сибирку пребываше славно» (Ремезовская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1907. С. 319–320). В.Д. Димитриев в специальной статье (*Димитриев В.Д.* О чувашах в Сибирском ханстве // Чувашский гуманитарный вестник. 2011. Вып. 6. С. 3–17) показал, что, несмотря на некоторые неточности (дата события относится летописью ко времени после взятия Казани,

и в Казани не было хана по имени Мурат), Ремезовская летопись может отражать реальную страницу истории взаимоотношений Казани и Тюмени в начале XVI в., т. е. до покорения Сибирского ханства Ермаком. Из текста летописи выходит, что: 1) сибирский хан взял с собой «многих Чувашь и абызь, и рускаго полуно людей» (приведенная выше статья 24); 2) перед сражением Ермака за Чувашский городок в городке имелось «собрание же вои Чувашии», т. е. собранное войско чувашей (статья 42); 3) «бе же две пушки у Чювашь; казаки же умолиша голкъ ихъ; они же бросиша ихъ с горы в Ыртышь», т. е. у чувашей было две пушки, казаки заставили их умолкнуть, и те сбросили их с горы в Иртыш» (статья 64). Таким образом, подаренные сибирскому хану чуваша были служилыми людьми и были многочисленны (составляли войско). По В.Д. Дмитриеву, факт совместного употребления терминов *чювашь* и *абызь* может говорить о том, что абызы (т. е. муллы или чиновники) были из числа чувашей (Там же. С. 12–13). Собственно, известно, что даже после присоединения Чувашского края к России среди чувашей были абызы и в целом грамотные люди, знающие татарское письмо (Дмитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. 22. Чебоксары: [б. и.], 1963. С. 112), а это уже могло бы служить почвой для второй соционимической интерпретации этнонима – «*мелкий служащий». На фоне рассмотренных в общем приемлемых интерпретаций названия *чуваши*, основанных на термине *чауши* с реконструированной семантикой типа «*младший офицер» или «*младший служащий», не может быть поддержано произвольное приписывание этому слову семантики типа «миссионер» (Корнилов Г.Е. Евразийские лексические параллели. Ч. 1. К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей. С. 175 и далее). Такая не согласующаяся с историческими фактами интерпретация была подвергнута справедливой критике В.Ф. Каховским (Каховский В.Ф. Этноним «чуваша» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1982. С. 80).

¹²⁵ Erdal M. The Khazar Language // Golden P., Ben-Shammai H., and Roná-Tas A. (eds), The World of the Khazars. Leiden: Brill, 2007. Pp. 80–81.

¹²⁶ Klyashtorny S. About One Khazar Title in ibn Faḍlān // Manuscripta Orientalia 3.3, Thesa, 1997. Pp. 22–23; Golden P. Khazarica: Notes on Some Khazar Terms // Turkic Languages, ed. Lars Johanson, Harrassowitz Verlag, 2005. Pp. 214.

¹²⁷ Савельев А.В. О критериях выявления и стратификации болгаро-чувашских заимствований в пермских языках I // Вопросы языкового родства. 2025. № 23 (1–2). С. 141, 152, 161.

¹²⁸ Савельев А.В. О критериях выявления и стратификации болгаро-чувашских заимствований в пермских языках II // Вопросы языкового родства. В печати.

¹²⁹ Татарскому языку известно развитие вида **-awa- > *-uwa-*, но датируется оно заведомо более ранним временем по сравнению с периодом болгаро-кыпчакских контактов в Среднем Поволжье. Ср. данные в работе: Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. Москва: Вост. лит., 2007. С. 21, на основании которых этот переход можно датировать, по крайней мере, пракрыпчакским состоянием.

¹³⁰ Köprülü O. ÇAVUŞ // TDV İslâm Ansiklopedisi. 1993: 236–238.

¹³¹ Абдулжемилев Р.Р. Османли белгелеринде Kırım hanlığı / Крымское ханство в записях Османских документов (Ч. 2) // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10. № 2. С. 192; Источники по истории средневековых татарских государств // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. С. 909 (док. № 23), 915 (док. № 26), 916 (док. № 27); Абибуллаева Э.Э. Повседневная жизнь в Крымском ханстве в XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Казань, 2024. С. 41, 236, 237.

¹³² Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. С. 105–106. (Археология евразийских степей. Вып. 6).

¹³³ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. Москва: МГУ, 1973. С. 110–127; История Золотой Орды: сборник материалов / сост.: В.Г. Вовина, А.А. Кожанов, Т.В. Никулина. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2003. С. 27–32, 45, 50, 58–60, 113–114; Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея, с введением, переписью, пе-

реводом и примечаниями, изданные И. Березиным, профессором Казанского университета. Казань: Тип. ун-та, 1851. 56 с.

¹³⁴ *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Репринтное воспроизведение канд. дис. (Институт истории АН СССР, г. Москва, 1951 г.). Казань: Ихлас, 2012. С. 231–234; *Мустакимов И.А.* Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 41–43.

¹³⁵ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 94–95, комментарии.

¹³⁶ Татары. Москва: Наука, 2001. С. 104–105.

¹³⁷ *Ахметьянов Р.Г.* К значению слова *чуваши* в документах XVI–XVII вв. // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань: ИЯЛИ, 1996. Вып. 2. С. 25.

¹³⁸ Если уж принимать во внимание возможность «земледельческого» происхождения названия чувашей, то значительно лучше выглядит этимология, выдвинутая в личном блоге энтузиастом чувашской этимологии Е.Г. Лебедевым; по крайней мере, она отталкивается от реально существующего слова (тат. *сабанчы* ‘пахарь’, букв. ‘плугарь, плужник’). Насколько можно судить из авторского изложения, предполагается, что здесь имело место якобы регулярное развитие на чувашской почве *nč > *š*, а затем ассимиляция *s...š* > *č...š*. Однако приводимые параллели к развитию *nč – ложные, при этом не объясняются случаи явного сохранения *nč в достаточно старой чувашской лексике (ср. монголизм *алманчă* ‘*собиратель податей; элемент топонимов’); предлагаемый механизм ассимиляции также выглядит беспрецедентно. На этих основаниях данная этимология должна быть безоговорочно отвергнута.

¹³⁹ *Арсланова А., Мустакимов И.* Арабские и персидские источники о династийно-политических науменованиях Улуса Джучи и этнониме «татары» // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 343–344, 348–349; *Измайлов И.* Становление средневекового татарского этноса // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 362–364.

¹⁴⁰ *Егоров Н.И.* К этимологии этнонима «чуваш» // Актуальные вопросы чувашского языкознания: тезисы докладов и сообщений на научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения В.Г. Егорова (12–13 февраля 1980 г.). Чебоксары: [б. и.], 1980. С. 34–36.

¹⁴¹ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 20, 27, 38. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 10).

¹⁴² *Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М.* Древнетюркский словарь. С. 224.

¹⁴³ *Wilkens J.* Handwoerterbuch des Altuigurischen. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2021. S. 852–853.

¹⁴⁴ *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: At the Clarendon Press, 1972. P. 908.

¹⁴⁵ *Ligeti L.* Le Sacrifice offert aux ancêtres dans l’Histoire Secrète // Acta Orientalia. 27. No. 2. Budapest: Academiae Scientiarum Hungaricae, 1973. P. 156.

¹⁴⁶ *Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1991. P. 265.

¹⁴⁷ Благодарим А.В. Дыбо за плодотворное обсуждение этимологии данного слова.

¹⁴⁸ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. XII. С. 200.

¹⁴⁹ *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1964. С. 215–216.

¹⁵⁰ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. XII. С. 200.

¹⁵¹ *Родионов В.Г.* К истории возникновения и утверждения этнонимов бигер, бесермян и чуваш // Ашмаринские чтения – VI: материалы Всероссийской конференции (Чебоксары, 17–18 октября 2008 г.). Чебоксары: ЧГУ, 2008. С. 300–301.

¹⁵² Некоторая ирония в связи с построениями В.Г. Родионова заключается в том, что на сходство этнонима *чăваш* и чув. *сăва* 'кладбище' обращал внимание уже Н.И. Ашмарин; он, однако предполагал, что сама перестройка исторического *сăваç (которое Ашмарин в 1925 г. вслед за И.Н. Юркиным интерпретировал как 'летовщик' < чув. *çу* 'лето') в *чăваш* обусловлена «бессознательным стремлением избежать зловещего созвучия» с обозначением кладбища (цит. по: *Петров М.П.* О происхождении чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1925. С. 61). Действительно, возможность использования неким народом слова 'кладбищник' в качестве самоназвания едва ли может рассматриваться всерьез. Предполагать более значимую роль кладбищ в ритуальных практиках чувашей по сравнению с соседними народами также нет никаких оснований.

¹⁵³ *Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Т. 2. С. 373–374.

¹⁵⁴ Там же. С. 375–376, 385–386.

¹⁵⁵ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному. С. 39–40.

¹⁵⁶ *Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Т. 2. С. 371.

¹⁵⁷ *Каховский В.Ф.* Этногенез чувашского народа и религиозный синкретизм // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. Чебоксары, 1978. С. 59. (Труды ЧНИИЯЛИЭ. Вып. 86.)

¹⁵⁸ *Измайлов И.Л.* Ислам в Волжской Булгарии // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. Вып. 2. С. 5–12; *Измайлов И.Л.* Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. 2011. № 2. С. 34–51; *Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л.* Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 1 (31). С. 214–221.

¹⁵⁹ *Халикова А.Х.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. С. 29.

¹⁶⁰ *Измайлов И.Л.* Средневековые болгары: становление этнополитической общности в VIII – первой трети XIII века. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. С. 492–498.

¹⁶¹ *Халикова А.Х.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. С. 148–149.

¹⁶² *Руденко К.А.* Булгарские святилища XI – XIV вв.: (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона: материалы и исследования. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит-ры УрО РАН, 2004. С. 36–66; *Березин А.Ю.* Булгарские культурные памятники X–XV вв. традиционной веры (кольцевые городища, святилища, строительные жертвы), в печати.

¹⁶³ *Давлетишин Г.М.* Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период X – начало XIII вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. С. 57–86.

¹⁶⁴ *Халиков А.Х.* Маклашевская всадница // Советская археология. 1971. № 1. С. 106–117; *Его же.* Изучение археологической культуры ранних болгар на Волге // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. София: Изд-во Българск. Акад. на науките, 1981. С. 5–20.

¹⁶⁵ *Руденко К.А.* Язычество и ислам в Среднем Поволжье в XI–XIV вв. (анализ археологических данных) // Религия в истории народов России и Центральной Азии: материалы Всероссийской с международным участием конференции, посвященной 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 117–121.

¹⁶⁶ *Напольских В.В.* Очерки по этнической истории. С. 85; *Его же.* Удмуртская *акашка* ~ бесермянская *акашка* и позднесредневековая этническая история Нижнего Прикамья; *Савельев А.В.* О критериях выявления и стратификации болгаро-чувашских заимствований в пермских языках II.

¹⁶⁷ *Охотникова С.В.* «Ясачные чувашы»: некоторые итоги и задачи изучения. С. 22.

¹⁶⁸ *Марджани Ш.Б.* Кладезь полезных знаний о Казани и Болгаре: В сокращении. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. С. 69.

¹⁶⁹ *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваша. С. 119–121; *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. С. 75–77; *Федотов М.Р.* Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (Лексико-семантический обзор и словарь) // Ученые записки НИИЯЛИИЭ при Совете министров Чувашской АССР. Вып. XXVI. Чебоксары: [б. и.], 1963. С. 89–124.

¹⁷⁰ *Мухаметшин Д.Г., Михайлов Е.П., Иванов В.Н. (Алмантай).* Эпиграфические памятники Чувашии // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: [материалы научного семинара, Чебоксары, 13 апреля 2011 г.]. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 70–79.

¹⁷¹ *Mészáros Gy.* A csuvasv ösvallás emlékei. Budapest, 1909: 4–7; *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с.

¹⁷² См., например: *Ильинова Н.А., Чистякова О.А., Авагимян А.В.* Ислам в Адыгее: особенности интеграции в народную культуру // Вестник АГУ. Вып. 4 (229.) 2018. С. 139–145; *Идиатуллин А.К.* Эволюция религиозного синкретизма татар-мишарей Ульяновской области // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 35–42; *Литвинов В.П.* «Народный ислам» как синтез язычества и мусульманской религии в Туркестане: паломнический аспект // Исламоведение. 2018. Т. 9. № 1. С. 54–64; *Сызранов А.В.* «Народный» ислам в Нижнем Поволжье: региональный вариант религиозного синкретизма // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. 2007. № 3 (37). С. 163–180.

¹⁷³ *Насыри К.* Избранные произведения / пер. с татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. С. 46, 52, 55, 57, 58, 60, 63, 66.

¹⁷⁴ *Каховский Б.В.* Раскопки Тегешевского могильника // Исследования по археологии Чувашии. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1978. С. 129–151. (Труды / ЧНИИЯЛИЭ. Вып. 80).

¹⁷⁵ *Исхаков Д.М.* Становление татарской нации в XVIII – начале XX века (этнический аспект) // Татары. Москва: Наука, 2001. С. 141–142.

¹⁷⁶ *Таймасов Л.А.* Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.07 / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2004. С. 269–270.

¹⁷⁷ *Комиссаров Г.И.* Чуваша Казанского Заволжья // ИОАиЭ. Т. XXVII. Вып. 5. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1911. С. 319–320. См. также: *Димитриев В.Д.* О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Ученые записки Чувашского НИИ. Вып. 47. Чебоксары: [б. и.], 1969. С. 242–246.

¹⁷⁸ *Юсупов Г.В.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: [б. и.], 1971. С. 220–221. Согласно Г.В. Юсупову, в удмуртском это же слово представлено в варианте *юазь* ‘заречье’, но нам такой вариант не удалось найти ни в стандартных словарях удмуртского языка, ни в диалектном словаре Ю. Вихманна, ни в изданных материалах по бесермянскому наречию (где фиксацию этого слова в принципе можно ожидать, учитывая расселение бесермян в контактной зоне с чепецкими татарами).

¹⁷⁹ Татар теленен зур диалектологик сүзлеге [= Большой диалектологический словарь татарского языка] / сост. Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. С. 256.

¹⁸⁰ *Бурганова Н.Б.* Говор каринских и глазовских татар. С. 28.

¹⁸¹ *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й”; *Starostin S.A., Dybo A.V. & Mudrak O.A.* 2003. Etymological dictionary of Altaic languages; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд. доп. / отв. ред. Э.Р. Тенишев. Москва: Наука, 2001. С. 792–814.

¹⁸² *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. P. 899; *Wilkens J.* Handwoerterbuch des Altuigurischen. S. 908.

¹⁸³ *Махмуд ал-Кашгару.* Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). Т. 2. С. 228.

¹⁸⁴ *Гаркавец А.Н.* Codex Cumanicus. I. Введение. Половецкие молитвы, гимны, проповеди и загадки. II. Факсимиле и построчная транслитерация. III. Транскрипция и пословный перевод. IV. Латинский, персидский, куманский и немецкий словари и вкрапления из других языков. Алматы: Баур, 2015. С. 1314.

¹⁸⁵ Благодарим А.В. Дыбо за указание на этот факт.

¹⁸⁶ Важен здесь комментарий И.В. Кормушина к форме из *Махмуд ал-Каушари*. Диван лугат аг-турк (Свод тюркских слов). Т. 2. С. 228: «В Ркп, 447⁵⁻⁶, над *гайном* два *харакята* – *фатха* и *дамма*, из которых Р. Данков [Данкофф], в отличие от других издателей, *фатху* посчитал позднее подставленной, приняв *уоиуѝ* (Д-К II 150)». Иными словами, слово может быть прочитано как *жоуаѝ* либо *жоуиѝ*, и выбор зависит от палеографической интерпретации соответствующего фрагмента в рукописи, а И.В. Кормушин принимает точку зрения Р. Данкоффа как наиболее авторитетного, с его точки зрения, издателя.

¹⁸⁷ *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. P. 899.

¹⁸⁸ *Федотов М.Р.* О марийском этнониме *сувас-суас* // Советское финноугроведение, 1974. № 2. С. 80–81; *Его же.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. С.–Я. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. С. 394–399.

¹⁸⁹ *Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Т. 2. С. 367–368.

¹⁹⁰ *Бельх С.К.* Еще раз об этнониме *ар* // Финно-угроведение. 1996. № 3. С. 86–94; *Напольских В.В.* Очерки по этнической истории. С. 68.

¹⁹¹ Заметим, впрочем, что, на наш взгляд, указанная этимология *ар* ‘удмурт’ не является единственно возможной. Более того, представляется целесообразным объединить в одну этимологию обе синхронно несходные корневые морфемы, на базе которых образуются названия удмуртов в языках Волго-Камского региона – ср. **ād(V)*, к которому восходят удм. *уд-мурт*, луг-мар. *одо*, рус. улг. *отяк*, *вотяк*. Как известно, одним из характернейших звуковых переходов, характеризующих волжско-булгарский язык, был так называемый «второй болгарский ротацизм» – развитие *d (*ḍ) > *r*. Данное изменение должно было произойти не ранее конца I–го тыс. н. э. (учитывая заимствование перс. *āḍīna* ‘пятница’, отражаемое в чувашском как *эрне*, диал. *арня*) и не позже монгольского нашествия (поскольку в послемонгольских заимствованиях в чувашский он уже не наблюдается). См. об этом: *Савельев А.В.* О критериях выявления и стратификации булгаро-чувашских заимствований в пермских языках I. С. 141. Видится уместным предполагать заимствование из финно-угорского субстрата (вероятнее всего, из позднего прапермского языка) формы *ād в ранний волжско-булгарский, затем развитие на булгарской почве этой формы в *ār и, уже в послемонгольское время, заимствование в поволжско-кыпчакский как *ar [= *ār]. Правдоподобность такой адаптации булгарского вокализма в поволжско-кыпчакском подтверждается случаем заимствования популярного в Волго-Камском регионе гидронима: булг. *čāl-li ‘каменистый, каменистая (напр., речка)’ → тат. *Чаллы* (откуда рус. *Чел-на* с инкорпорацией типичного для русских гидронимов форманта *-на*), ср. чув. *чул-лă* ‘каменистый’, тат. *таш-лы* ‘тж.’. Чув. *ар* ‘удмурт’ выглядит при указанном сценарии как обратное заимствование из тат. *ар* ‘тж.’, что вполне имеет смысл с точки зрения исторической географии (после XVII в. чувашский и удмуртский ареалы оказались изолированы друг от друга, так что контакты между этими народами практически повсеместно прекратились; фиксация названия удмуртов у чувашей в более позднее время может быть объяснена только в контексте так называемых «ярмарочных» заимствований). При таком сценарии все же остается пространство для «заречного» осмысления *ар* носителями поволжско-кыпчакских диалектов, но только вторичного (народно-этимологического).

¹⁹² *Agyagási K.* Chuvash Historical Phonetics. Pp. 8–10.

¹⁹³ Ранее такое же мнение было высказано, например, в: *Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Т. 2. С. 367–368.

¹⁹⁴ *Димитриев В.Д.* Опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV в. // Исследования чувашской культуры и истории. Уфа: Экология, 1998. С. 181–192.

¹⁹⁵ *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Карты 1–2.

¹⁹⁶ *Чернышев Е.И.* Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Казань: [б. и.], 1971. С. 273, карта.

¹⁹⁷ *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Москва: Наука, 1985. С. 131; Итиль // Исландия – Канцеляризм. Москва: Большая российская энциклопедия, 2008. С. 229. В целом в связи с предполагаемым переселением части болгарского населения

«из-за реки» уместно вспомнить о том, что для кочевых тюркских государств и народов было весьма характерно выделение двух крыльев, разделенных водной преградой. Так, в 582–603 гг. Тюркский каганат распался на восточное (центральноазиатское) и западное (среднеазиатское) крылья. Левое и правое крылья имели важное значение для устройства Западнотюркского каганата. В Золотой Орде отмечают разделение на Синее (западное) и Белое (восточное) крылья, границей между которыми по разным источникам могли быть р. Волга или р. Яик (Урал). Эта же традиция сохраняется и в более позднее время у киргизов. Возможно, следы подобного разделения были и в Волжской Булгарии. Так Ибн Фадлан пишет о четырех «маликах» в подчинении у Алмуша. Четыре администратора – это два крыла владений державы, которые также делились пополам (*Тренавлов В.В.* Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // *Mongolica. К 750-летию «Сокровенного Сказания»* Москва: Вост. лит., 1993. С. 174–175; *Измайлов И.Л.* Средневековые булгары: становление этнополитической общности в VIII – первой трети XIII века. С. 277, 327–328). Во всяком случае расселение волжских булгар показывает, что уже в раннебулгарское время языческие могильники расположены по обе стороны Волги, да и на более поздних этапах домонгольской эпохи оседлое население присутствовало по обоим берегам Итиля (*Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Булгарии. Москва: Наука, 1992. Рис. 1).

¹⁹⁸ С точки зрения типологии этнонимических моделей мы наблюдаем здесь термин, содержательно в некотором смысле противоположный знаменитому белорусскому квази-этнониму *тутэйшыя* ‘здесьние, местные’ и его аналогам; в данном случае – как бы ‘нездешние, неместные’.

¹⁹⁹ *Ашмарин Н.И.* Булгары и чувашы. С. 49.

²⁰⁰ *Юсупов Г.В.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. С. 220.

²⁰¹ Список населенных мест по сведениям 1859 года. Вып. XIV: Казанская губерния. Санкт-Петербург: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1866. С. 19.

²⁰² У Н.И. Ашмарина записан также в одном контексте вариант *сармйш* ‘мари’ (Словарь чувашского языка. Т. XII. С. 66) из д. Большие Арабузи Буинского уезда. Поскольку буинские говоры не представляют какого-то особого глубокого узла на дереве чувашских диалектов, мы не склонны считать этот вариант древним. Скорее, можно предполагать перестройку из *сармйс* по межязыковой интерференции с тат. *чирмеш* ‘тж.’.

²⁰³ Казанская история. С. 53.

Сокращения

алб. – албанский язык	перс. – персидский язык
араб. – арабский язык	праюрк. – пратюркский язык
булг. – болгарский язык	рум. – румынский язык
венг. – венгерский язык	рус. – русский язык
горн.-мар. – горномарийское наречие	СЗ – северо-западный (малокарачкинский)
диал. – диалектная форма	диалект чувашского языка
др.-рус. – древнерусский язык	срб.-хрв. – сербохорватский язык
др.-тюрк. – язык древнетюркских	ср.-тюрк. – язык среднетюркских письменных памятников
письменных памятников	тат. – татарский язык
индоир. – индоиранские языки	тж. – то же
казах. – казахский язык	тунг. – тунгусо-маньчжурские языки
луг.-мар. – лугомарийское наречие	удм. – удмуртский язык
макед. – македонский язык	уст. – устаревшее слово
мар. – марийский язык	чагат. – чагатайский язык
монг. – монгольские языки	чув. – чувашский язык
осм. – османско-турецкий язык	

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Чуваша в источниках XVI–XVII вв.	4
2. Этимологии этнонима чуваш	11
2.1. Тат. <i>юаш</i> ~ (диал.) <i>жуаш</i> ‘кроткий, тихий, смиренный’ ...	–
2.2. <i>Сувар</i> ~ <i>суваз</i>	14
2.3. <i>Табгач</i>	17
2.4. <i>Чавуш</i> ‘*младший офицер и т. п.’	18
2.5. * <i>Шуайш</i> ‘земледелец’	23
2.6. Чув. * <i>çайваç</i> ‘язычник’	24
2.7. Чув. * <i>çайваç</i> ‘заречье > заречные’	32
Заключение	38
Литература, источники и примечания	42
Сокращения	58

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 41

**САВЕЛЬЕВ Александр Владиславович,
МЯСНИКОВ Николай Станиславович**

**К происхождению этнонима *чуваши*:
основные версии и их историческая
интерпретация**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2025 год

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Подписано к печати 30.01.2026. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$
Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 3,48. Уч.-изд. л. 4,22.
Заказ № 2. Тираж 50 экз.

Отпечатано в РИО БНУ ЧР
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1